

84/2Рос - НКЕМ)

с/к

М 69

Ю. М. МИХАЙЛОВ

НИКОЛИН

ПОЭМА

84/2200 = ЧКЕМ)
М 69

Ю. МИХАЙЛОВ

НИКОЛИН

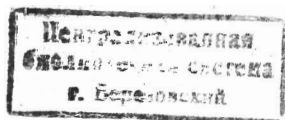
Поэма

—157309—

157309

ЭЛЕКТРОННЫЙ
КАТАЛОГ

Кемерово
Кузбассвузиздат
2009

ББК 84Р7
М69

Михайлов Ю. М.

М69 Николин: поэма / Ю. М. Михайлов. — Кемерово: Кузбассвузиздат, 2009. — 83 с.

ISBN 5-202-00301-3.

ББК 84Р7

© Михайлов Ю. М., 2009
ISBN 5-202-00301-3 © Издательство «Кузбассвузиздат», 2009

ПРЕДИСЛОВИЕ

Остраненность – термин, введенный в литературоведении Виктором Шкловским для обозначения литературного приема, позволяющего выделить произведение из общего ряда, приковать к нему внимание своей необычностью. Почему этот термин вспомнился при чтении повести в стихах «Николин»? Потому что ее автор, поэт из города Березовского Юрий Михайлов очень постарался, чтобы она оставляла о себе впечатление странности и по содержанию, и по форме.

Странной выглядит любовь между учителем и ученицей, заканчивающей среднюю школу, – старомодно романтическая и в то же время страстная и чувственная, вызревающая на переломе эпох, в гущу недавних социальных потрясений, приведших к смене экономического и политического строя в России.

Поэтика произведения тоже кажется странной. Версификаторская искусность соседствует с откровенной безыскусностью, возвышенная лексика с почти нарочито прозаичной. Тем самым автор, видимо, стремится достичь эффекта естественности повествования, исповедуя мысль Маяковского о поэтическом мастерстве. Оно заключается в том, что поэт создает свои законы стихосложения и неукоснительно следует им.

Определение жанра тоже странно. Однако стоит вообразить повесть на языке прозы, становится понятным, как она обеднится.

Хотя, как говорится, все жанры хороши, кроме скучных. Последнее к повести не относится. Нет сомнения, что она заинтересует читателя, особенно молодого.

Валерий ЗУБАРЕВ,
член Союза писателей России

Любовь

Часть первая

НАСТЯ

I

Удары в колокол – захватывает дух.
С оград и сизых крыш слетает снежный пух,
Как с отрока-засони одеяло.
Доверчивое, тихое начало.
Пусть упасут судьба и Бог от всяких бед
Того, кто первым поспешил оставить след,
И выросший в глуши таежной город,
Уже испивший радости и горя,
Что вечно рядом, как на жизнь ни посмотри.
Но легче верится в час утренней зари
В безоблачную даль, где ждет удача,
И в то, что все у нас пойдет иначе...

Автобус проглотил морозную толпу,
Ворча, очистил дворник первую тропу,
Засуетился люд, вдыхая иней.
Над зданиями свод открылся синий.
Стыдясь прямых лучей, погас на нем серпок.
Синица хитро запорхала возле ног,
И голубь на дорожку опустился.
А из окошек дружно свет пролился.

Сегодня волен я. Никто сейчас не ждет
Учительский рассказ про тонкий чудский лёд,
Про декабристов – первых русских граждан
В оковах тяжких, но душой отважных,
И про победу в самой яростной войне
Георгия на красном доблестном коне.
Люблю каникулы, их безмятежность,
Их сонную, ленивую небрежность.
Мне как бальзам – прогулок утренних восторг,
Когда не надо торопиться на урок.
В гимназии ни огонька, ни звука,

За доски, в колбы спряталась наука.
Вернулся в книжки мир бесчисленных идей.
По коридорам бродит тень вчерашних дней.

II

Покой душевный – словно гладь речная.
Чуть ветерок – тревожить начинает
Ее густая рябь. А там, глядишь, волна
Уже играет средь камней, резва, вольна.
Такое же отрадное волнение
Во мне родило это приглашенье
На день рождения. Да было бы оно
От губернатора мне вдруг принесено,
И то не стало б сердце чаще биться.
Но просьба – от любимой ученицы.
Лескова Настя... Мой родной десятый класс...
Я ведь заметил сразу дымку этих глаз,
Взгляд двух озёр с их тайною глубокой,
Казалось, где-то в стороне далекой
Искала что-то страстно Настина душа.
Порою девушка сидела не дыша,
Бледней стены. Не стало ли ей плохо? –
Боялся я и ждал живого вздоха
На долгий миг опасно замершей груди.
И, будто яркий свет увидев впереди,
Глаза у Насти чудно оживали.
Что в них так загоралось, не слеза ли
От постиженья сердцем истины простой?
От тайной встречи с незнакомой красотой?
Еще одно меня очаровало –
Не юных, нежных губ оттенков алый,
Не темно-русая прямая прядь волос,
Не простоватый округленный русский нос,
Но совершенство Настиного стана.
Как стебель девушка тонка. И странно

Кого-то с нею сравнивать. Она одна,
Так просто и легко, так дивно сложена.

III

Анастасия занималась танцем,
Но с увлечением ей пришлось расстаться.
О, эта молодежи нынешней беда —
Любовь свою держать в узде везде, всегда,
Чтоб сил хватило, перейдя границу
Отрочества, поймать хотя б синицу
И выжить с ней в холодном каменном лесу,
Где ценят бриллиант, не чистую росу.

Учеба без конца, без передышки,
Дней юных убиение над книжкой...
Что помогало девушке собрать себя
В упрямый луч познания? Странная борьба
С безумной тягой к небу, звездной дали,
Где места нет для зависти скандальной,
Для мелочной обиды, глупой суеты,
Но есть простор для добрых чувств,
большой мечты,

Служенья верного любви лучистой
И для слиянья душ, родных и чистых?
Да, так порой бывает. Тонкая душа,
Свои пожары каждодневные туша,
Скорее учится справляться с болью
И чувств вулкан держать в объятьях воли.
Но тут, конечно, есть невидимый предел:
Когда душевный жар сгустился, перезрел,
Жди самого отчаянного взрыва...
Нет, Настя, неспроста ты молчалива.

IV

Как хорошо из снежной дремы вечерка
Попасть в тепло квартиры, где течет река
Преаппетитных запахов из кухни,

В прихожей вешалка готова рухнуть
От разных курток, шуб, что гроздьями висят,
А в зале весело посудую гремят
И стулья громко двигают. Не так ли
Готовят все на сцене для спектакля?
У гостя, как перед прыжком в холодный пруд,
Прилив крови горячей и волненья зуд.
Кружится голова его немного,
И про себя он думает с тревогой,
Какая роль его в игре веселой ждет.
Но гостя в зал зовут. И он на шум идет,
С волненьем радостным борясь напрасно:
Кто здесь, с кем быть и как – ничто не ясно...

Гостиная... О, тут полно моих ребят.
Не все, но треть-то есть – я очень рад.
Встречают возгласом – мне тоже рады.
Как Настя хороша. Кто с нею рядом?
Наверное, отец... и кто-то из подруг.
А мать с сестрой на кухне, им ведь – недосуг...

Пройти к принцессе вечера непросто.
Но, слава богу, не обижен ростом.
Жму руку Насте через головы гостей,
Дарю живой цветок, конфеты, книгу ей.
У девушки как будто жар высокий:
Блестят, горят глаза, в румянце щеки.
Она и не она. Знать, внутренний огонь
Наружу рвется. Вспыхнет ярко – только тронь...

А на столе – салат и бутерброды.
Все вилками стучат и пьют газводу,
Галдят. Мне по душе такая простота.
Андрюша взял на руки важного кота,
Поглаживает длинный мех на спинке.
Смахнула с фотографии пылинки
Любовь, открыв семейный старенький альбом.

Антоша ей в плечо почти уткнулся лбом.
Смеется, видя хвостики-косички
На снимке Насти и ее сестрички.

Но вот и торт несут, и все кричат «Ура!».
Ох, любит сладости большая детвора.
Миг наслажденья долгожданный близко...
Но прежде спели Насте по-английски.
С каким восторгом попугайничаем мы,
Забыв, что родились-то русскими людьми...
Торт разделили, терпкий чай разлили
И, глядя на меня, загомонили:
– Скажите слово, вы – наставник Настин.
Не ожидал я этакого счастья.
Как говорить за всех, что говорить за всех,
Чтоб оправдать надежду и иметь успех?
Нет, не по мне ответственность такая.
Простите, но скажу лишь за себя я.

– Шестнадцать лет... Как яркие, как светлы они.
Бегут, бегут вдали волшебные огни,
И хочется душе лететь за ними.
И слышится таинственное имя
В волнительной беседе ветра и листвы.
Оно – судьба. Как в этот миг прекрасны вы,
Охваченные пламенем желанья
Идти, бежать, лететь к великой тайне.
Она – любовь. Но где, скажите, где она?
Везде – как яркий день, как страстная весна.
Она есть сами вы в порыве страсти...
Я вам желаю небо счастья, Настя.

Овации и поздравлений

бурный вал –

В ударе все. А я не помню, что сказал.
Вдохнул и выдохнул – так это было.
Но все сочли, что вышло очень мило...

Ну наконец-то и до торта добрались.
Настала тишина — ребята увлеклись.
Беру и я бокал с янтарным чаем,
Невольно всех Лесковых изучая.
Отец... Ему и сорока никто не даст,
Залысины — не в счет. Он крепок и лобаст.
По ученической анкете Насти:
«Отец — на угольном разрезе мастер».
Его моложе, думается, лет на пять
Эффектная с венериной фигурой мать,
Живая и общительная очень...
Сестренка Лена — весела. Хохочет
Над кавалерами своими, что впотьмах
Стоят в подъезде каждый вечер на часах.
Юна, а пользуется женской властью.
Какие разные она и Настя.

И слова зря не скажет старшая сестра.
Но все ответа ждут: станцуй для нас, пора.
«Станцуй, — велит ей мать, — гостей порадууй.
И будет это нам с отцом наградой».
В мгновенье унесли посуду, стулья, стол,
Потом палас скрутили, обнажая пол.
Магнитофон кассетой зарядили.
Настроились, дыханье затаили.
Как рампа лампа в нише мебельной горит.
Раздались звуки, задавая четкий ритм.
И вот... явление Насти. Насти или?..
Ее, быть может, в шутку подменили?
Широкой черной лентою закрыта грудь,
Искрится ткань пред лампою, как млечный путь,
На бедрах тонкий бархат, нежно-синий,
Стан обнаженный молока невинней...
Вращение и несколько шагов вперед,
Улыбка, смелый взгляд и резкий поворот.
Движенье бедер — молодости вызов,

Рук энергичный взлет. А вот – сюрпризом –
Со зрителем короткий в жестах диалог
О суетном, слепом, о том, что есть

подлог,

Подделка жизни истинной, свободной,
Где так легко, где слышен зов

природный...

И снова взгляд-разряд, прыжок в живой рассвет,
Который говорит ползучим теням «нет»,
Смеясь над их тупой, упрямой силой,
Их похотью, бесплодной и постылой.

«Я – красота, гармония, любовь, весна.
Меня вам не поймать в тенёта злого сна.
Я – дочь стремительных весенних токов.
Открыта я, и нет во мне порока»...

Как яркие, выразительны ее глаза.
В них свет лучится, бьется первая гроза.
Как свежо у нее алеют губы

И перламутром отливают зубы.
Как гибки руки – сколько в них затей.
Мелькают, будто светлый след плетей.
Как волосы струятся влагой темной,
Лоб оттеняя, чистый, бледный, томный...

Последнее вращенье, выпад и шпагат...
Я восхищен, ошеломлен, растерян, смят.

Зажегся верхний свет. Рукоплесканья,
Объятья, комплименты, восклицанья...

Все где-то далеко. В мозгу – как будто хмель.

Я точно парусник, что сходу сел на мель.

Нем, недвижим, подобно истукану.

Вот-вот предметом наблюденья стану.

А между тем пришел веселых танцев час,

И юные друзья пустились в дикий пляс.

Смешны, безвкусны их прыжки, кривлянье.

Зачем сужу, что у меня с сознанием?..

Но вот переменялся ритм, притушен свет.
Кто это предо мной, как ангельский привет?
Анастасия – вечера отрада...

– Пойдемте танцевать, скучать не надо...

Я осторожно обнимаю хрупкий стан
И будто погружаюсь в золотой туман.
Наполнен миг густым очарованьем.
Анастасия... Милое создание.
Ее лицо, ее глаза, ее тепло...
Все тайною вдруг стало. Что-то снизошло
На голову мою. Я улетаю...
Пред девочкою как мальчишка таю...

– Лишь вы о танце не сказали ничего.
Вам не понравился плод сердца моего?
Все откровенно глупо. Я б не стала
Вертеться тут, но мама настояла.

– Я видел волшебство, и у меня нет слов.
Я до сих пор в объятьях ваших смелых снов.

– Вы говорите правду? Вы не льстите?
Я как в огне. Прошу вас, не смотрите
В лицо мне. Я, наверное, смешна сейчас.

– Прекрасны вы, и я запомню этот час.

СТАНИСЛАВ

I

«Николин Станислав. Год – девяносто семь»...
О дневнике своем я и забыл совсем.
Страница первая: «Пока что – холост.
Цвет роговицы серый. Низкий голос.
Рост, утром, после сна, – сто девяносто три.
Люблю работать очень рано, до зари.

Окончил вуз заочно этим летом.
Имею стаж учительский при этом.
В гимназии трудиться буду третий год.
Учу истории детей и этим горд.
Мой угол – в общежитской комнатухе,
Где телевизор, столик, раскладушка
И до предела книгами забитый шкаф.
Я – овен. Говорят, таит огонь мой нрав.
Но, в общем, сдержан я, сосредоточен.
Еще – идеалист упрямый очень».

Страница следующая: «Ну почему
Так сильно требуется моему уму
Мякина философии сухая.
Жизнь – как у всех, а голова другая.
Рожден в семье шахтера. Пару лет и сам
Трудился под землёй и закалялся там.
До этого хлебнул армейской службы.
С чего бы философствовать и дружбу
То с Гегелем, то с Марксом тесную водить?
Как все, жениться мог, чтоб тупо, мелко жить,
Дни мерить – от зарплаты до зарплаты.
Знать, баловники-гены виноваты.

Есть в жизни холостяцкой лишь одна беда:
Зов окаянной плоти мучает всегда...
Соседка в обольстительном задоре
Мне не дает прохода в коридоре.
Чертовски соблазнительна: вот-вот сорвусь.
На сад ее фруктовый и смотреть боюсь:
Два яблока тяжелых, вишни-губки
И прелесть грушевидная под юбкой
Смущают разум, ускоряют ток крови...
И только шаг до сладкой, чувственной любви.
Звала на чай – на верное распутство.
Но я учен. Легко оставить путь свой,

С башкою в наслажденья плотские уйдя.
Когда мне было двадцать, как-то от дождя
Меня спасла, позвав под зонтик, дама.
Потом два дня я был ей за Адама...

Страница третья про тревожный педсовет:
«Решали, начинать учебный год иль нет.
Как можно жить без отпускных, зарплаты?
Чем люди-труженики виноваты?
У Анны Федоровны мальчик – инвалид.
На что лечить его – он не бывает сыт.
И мать становится безмолвной тенью,
Не видя ни участия, ни спасенья.
А сверху нам твердят одно: все так живут.
Как будто мы ослепли – нагло лгут.
«Прихватизаторы» берут, что надо!
И президент – за них. Не жизнь – услада!».

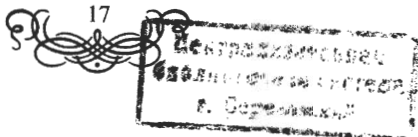
Четвертая страница: «Кажется, открыт
Учебный год. Опять гимназия шумит,
И сердце радуется этой жизни,
Хотя нет ничего ее капризной:
То милые улыбки, яркие цветы,
То горькие обиды и немые рты;
То нежные глаза, как у Джульетты,
То в школьном туалете сигарета;
То умною беседой увлеченный класс,
С которым вместе – хоть в последний бой сейчас,
То он же, кем-то взорванный с успехом,
Охваченный неудержимым смехом.
Такой вот жизни я хлебу теперь сполна –
Мне поручили опекать 10 «А».

Страниц пятнадцать – о нескучных буднях
И всяких случаях – читать не буду.
Но вот записанное перед сном вчера:
«Я болен или пьян? В крови огня игра,

— 157309 —

И совладать с ним разум мой не в силах.
Передо мною снова образ милый,
Смущение, румянец яркий на щеках
И эта бледность... Вижу в них восторг и страх
Души, свои сокровища таившей
И вдруг десяткам глаз их приоткрывшей.
Я ощущаю в тонком, легком теле дрожь
И трепет пальцев. Мне мирские фальшь и ложь,
Среди которых затаилась Настя,
Чудовищною кажутся напастью.
Ей трудно будет жить, всегда скрывая Я.
Ах, Настя, как ранимая душа твоя
Перенесет прямое столкновенье
С жестоким, хищническим обновленьем
Устоев, правил, нравов — отношений всех?
Сейчас к тому скорей склоняется успех,
Кто может запросто столкнуть любого
С пути, что многими уж облюбован...
Ну а теперь вопрос задам себе прямой:
Скажи-ка, ты влюблен? Иль поиграть с собой
Надумал, чтобы сердце не скучало?
Не то... Влюблен! И это лишь начало».

Рассвет сочится за окном. Вставать пора.
Светлеет голова. Она была вчера,
Как эта лампа на столе, горячей.
Остыла, слава богу. И иначе
Могу я на себя вчерашнего взглянуть.
Ну почему позволил в чувствах утонуть
И захлебнуться разуму, рассудку?
Ты не учитель, а мальчишка. Шутка?..
Своим все примечающим ученикам
Дал повод думать, что подводишь дело сам
К банальному, как школьный мир, роману.
На десять лет ты старше Насти. Странно,
Дружок мой, что об этом вспомнил лишь сейчас.

Теперь не просто будет заявиться в класс.
И объяснять непринужденно тему...
Ты сам себе решил создать проблему.

II

Стучат... Так рано... Может, гость,
а может, весть.

– Подайте, Христа ради, что-нибудь поесть.

Какие-то голодные девчушки.
Одеты кое-как, грязны, как чушки.
Печальные, совсем погасшие глаза.
У меньшей на щеке пристывшая слеза
И пухленькие, как у плаксы, губы.
О, Господи, за что детей-то губят
Бессовестные кормчие страны слепой.

– Родители-то где? Есть кто-нибудь живой?

– Отца-то нет. А мама спит в подвале:
Вчера ей дядьки что-то выпить дали –
Не может встать. И мы пошли просить одни.

– Что, в городе у вас нет никакой родни?

– Есть тетя, но у ней своя забота:
Все не дают зарплату на работе –
Не знает, чем кормить своих детей она.
Мужик ее в тюрьме – она теперь одна.

– А где живете вы, где спите ночью?

– В подвале – крысы там большие очень.

– Как вас зовут?

– Алёна и Лариса.

– Вот вам немного хлеба, масла, риса...
И где же этот ваш подвал?

– Недалеко.

В девятом доме. Там киоск есть – «Молоко».

Ушли девчушки, не ушло их горе.

Сел завтракать – еда застряла в горле.

Как будто кто-то смотрит, что я ем и пью,

Как я глотаю пищу скромную свою.

Глотаю в напряженье, точно вату,

Психуя, словно в чем-то виноватый.

Так не пойдет... Хотя что-то надо предпринять.

Поеду к Панину – ему детей спасать.

Ш

Как неуютно в городе сегодня.

У самого подъезда пес голодный

Меня облаял. А других людей не стал.

Вот с тополя последний снежный ком упал,

И оголилось древо – вид сиротский.

Что хорохориться по-донкихотски?

Невзрачен нынче день, невзрачен нынче я.

Все отвергает, все бранит душа моя.

Ей жизнь представилась каким-то бредом.

Вот продали за грош полбулки деду,

Вот в ящик мусорный полез несчастный бомж,

Вот пиво цедит на крылечке молодежь,

Вот баба тащит барахло к базару,

Вот кто-то урну опрокинул яро

И, не стыдясь, собрал от сигарет бычки.

Вот гневно Ельцина ругают старички.

Вот смачно плюнул из окна «тойоты»

Холеный и бритоголовый кто-то.

А вот готовый развалиться на ходу

Автобус тащится, которого я жду.

IV

Доехал – площадь. Изваяньем давним

Стоит шахтер-гигант с горячим камнем.

Зачем он здесь теперь? Его геройский вид
Полгорода смешит, полгорода стыдит.
Вот взял бы и сошел невозмутимо
Со своего поста, прошелся мимо
Растерянных окон управы городской,
Тупой, остервенелой толкотни людской
И горняков, курящих отстраненно
У остановочного павильона,
Прошелся и исчез вдали, как призрак тот,
Чтобы не видеть весь позорный анекдот.
А впрочем, пусть стоит,
дней прежних «рыцарь»...

До мэрии шагов, наверно, тридцать.
Высокое крыльцо, фойе, бедовый страж
В погонах строгих, лестница, второй этаж,
Приемная главы, а вот – дверь зама:
«Аркадий Львович Панин». Зам – тот самый...

Пиджак и галстук за внушительным столом,
Густая седина над умным, трезвым лбом,
Лицо, способное легко меняться:
Сочувствовать, негодовать, смеяться,
Внимая, поощрять, шутя, предупреждать,
Купаться в откровениях и выжидать,
Казаться то товарищем доступным,
То деятелем опытным и крупным.
Похоже, этот чин в людишках знает толк.
Понятлив и хитер он, словно старый волк.
А главное, вопросы-то решает.
Велел найти девчонок-попрошаек,
Устроить их в приют, затем – в короткий срок
Им с матерью отдать какой-то уголок...
От сердца отлегло, все горести ужались,
И с замом мы приятно попрощались.
Мне легче... Отчего? Совсем не знаю я,

Как завтра будет жить несчастная семья.
И что мне до нее? Таких сегодня
Так много в нашей темной преисподней,
Что невозможно все отмыть, согреть, спасти.
Но вот ведь оказались дети на пути,
И их не обойти. Они – в сознание:
За сытость, за успех мне наказанье.
Я изменил бы мир, но нету сил таких.
Пусть Бог и власть спасут хоть нищенок моих.

V

Как изменился город. Час назад он был,
Что старый, почерневший клен, угрюм, уныл.
Теперь, ты посмотри, стал белым, белым –
Успел снежок упасть. И захрустело
Так сладко, так знакомо под ногой моей,
Как будто ветерок пахнул из детских дней
И светлая мелодия вернулась.
Чайковского?.. Моя?.. Все окунулось
В пухово-ласковую благодать зимы.
Сверну-ка я в аллею. Сизые дымы
Над каждой веткой весело кружатся,
А на суки затейливо ложатся
Песцы и горностаи. Чудная игра,
Душевная услада... Мимо детвора
Промчалась весело, разгоряченно.
А следом пес пронесся, увлеченный
Счастливой шалостью беспечных малышей.
А вот старик идет неспешно. От ушей
Клоками борода. Закуржавела...
Здороваюсь. Кивает он несмело
И, улыбаясь, тихо продолжает путь.
Мне в память бы его седую заглянуть.
Что испытал, прошел он за полвека,
Так изменившего мир человека?

Жизнь прежнюю, не старость он в себе несет...
И встречные, и этот снежный хоровод –
Как утешение и откровенье:
«Живя, цени спокойствия мгновенье».

ДЕСЯТЫЙ «А»

I

Каникул вольный берег скрылся вдалеке.
Я снова в бурной гимназической реке.
Забыты праздные мечты, сомненья.
Вот и звонок – неси меня теченье...

– Соскучились, друзья? Уверены, что нет?
Не виделись как будто пару долгих лет.
Не хнычьте – Новый год не за горами.
Ну а пока займемся-ка делами:
Усядемся в машину времени, и в ней
Промчимся по цепи событий давних дней
И повторим все то, что проходили.
Кто скажет, как мы жили, чем мы были
Сто лет назад?.. Любые мнения ценны,
Но знания свои вы применить должны.

Когда нет страха заработать «двойку»,
Расскажет гимназист свободно, бойко
О том, что было, и о том, что быть могло.
Оригинальничая, если помело
Забывчивости память пощадило,
Но все пробелы в знаньях ловко скрыло.
Беседа потекла. Вот стало горячей.
Об этом говорят азартный блеск очей
И острых реплик хор нетерпеливый.
Проснулся интерес. И я, счастливый,
Им управляю тонко, словно дирижер.

Мне нравится, когда здоровый, честный спор
Высвечивает смело души юных.
Одни блестят ущербно, будто луны,
Другие звездами мерцают среди них.

А что же Настя? Угол нем ее и тих.
Она речей не любит очевидных.
И говорить ей об известном стыдно,
Чужие мысли выдавая за свои.
И без нее поют красиво соловьи.
А может, Насте, как и мне, неловко:
Ее темноволосая головка
Хранит, должно быть, тот волшебный диалог,
Который нам друг друга ощутить помог...

II

Вопросы вольные ребята любят.
С плеча любые аргументы рубят.
А Лапин, как всегда, помалкивая, ждет
Вопроса главного, чтобы, как птицу, влет
Его сразить ответом самым дерзким.
Евгений любит проявиться с блеском:

– Согласен, бунт народный неизбежным был.
Но он в крови Россию чуть не утопил.

Подброшу хвороста, пусть спор не гаснет,
Пусть выскажутся все, и будет ясность.

– Никто не в силах предсказать борьбы исход.
Кровавым может быть за правдою поход.
Посмели б встать вы впереди народа,
Чтоб требовать одной для всех свободы
И равных прав на то, что создано трудом?

– Все революции, по-моему,
дурдом, –
Ну наконец заговорил Евгений. –

Даны мне жизни несколько мгновений
Затем, чтоб помогать безумию толпы?
И для чего? Рабы ведь, словно скот, тупы:
Разрушат все и сделают... общагу.

Пальнул и спрятался: вперед – ни шага...
Умеет Лапин выждать, нанеся удар.
Есть, несомненно, у него особый дар:
Со стороны следить за представленьем,
За собственным на сцене появленьем.
Евгений – крупный юноша. Красив, умен,
Речист, всех старше будто и в себя влюблен.
Легко порвал беседы ткань живую
И вот молчит, цинично торжествуя...

Затих десятый класс. И раньше было так:
Евгений выдаст вдруг колючий, злой пустяк –
Все будто разом языки проглотят.
И слова одного не скажут против.
Антоша ухмыляется, но ведь молчит,
Любаша что-то несогласное мычит,
Андрей, ворча, качает головою.
А большинство с покорностью тупою
Ждут продолженья сцены в вязкой тишине.
Придется отвечать на этот выпад мне.

III

– Хоть в шифоньере спрячься от ненастья,
А буре быть...

Не выдержала Настя!
Опять огонь в глазах. Откуда эта страсть?
Восстало сердце, и явилась чувства власть?
Сняты застенчивости загражденья,
Душа и ум слились в одном движенье.

– Когда крушит дворцы народ, пытаюсь встать,
Смешно свои пожитки дряхлые спасать.

Ведь дом сгорел и мир переменялся,
И сам как будто заново родился
В хождениях по мукам. Нужно выбирать:
Подальше от крутой реальности сбежать
Или рабам, что рвутся к жизни новой,
Путь указать, дать истинное слово,
Чтоб разум был судьей, в сердцах зажегся свет,
Чтоб было меньше разрушений, жертв и бед.

Как Лапин зол... Не ждал отпора, видно.
Затеять спор и проиграть его – обидно.
Исчезли вдруг его невозмутимость, спесь.
Что он ответит Насте? Ишь, напрягся весь.

– Твои слова – благие пожеланья.
Есть человек... Он склонен к пожиранью
Себе подобных, если с ними жить нельзя.
Сильнейший побеждает – вот и мудрость вся.
Ну а тебя еще при первой битве
Сожрут с твоею нудною молитвой.

Так никогда еще Евгений не был груб,
Жестокость, злость сама с его слетают губ.
А прежде был он с Настей ласков, нежен.
Теперь ей мстит за то, что был отвержен?
Ответит ли она ему иль промолчит?
Молчание ведь не всегда – презренный щит.
Оно порой способно быть презреньем.
Но тут огонь отчаянный – не тленье.

– Тому, кто может всех людей лишь презирать,
Зачем быть человеком – лучше волком стать.

Анастасия перегнула палку –
Пора остановить их перепалку.

– А чтоб иметь успех в толпе тупой, босой,
Святому нужно стать хитрющею лисой,
Чтоб мстителем народным притвориться,

Прослыть своим, чуть-чуть подсуеетиться,
Подняться высоко, когда наступит срок,
И... всех за горло взять. Ты сможешь, ангелок.

– Что?! – Настя покачнулась: фразы эти
Ударили ее больнее плети,
Согнали краску с милого ее лица.

– Довольно, Лапин, стоп! Видали наглеца?!

Я прогоню его. Мне лишь бы удержаться
И не ударить этого мерзавца.

– Из класса – вон или сейчас же извинись.

– Но, кажется, мы с Настей равно увлеклись,
А впрочем, разжигать не стоит страсти,
А то сотрете в порошок за Настю.
Мы поняли, вы очень цените ее.
Ну что же, прав сильнейший – каждому свое.

– Уйди... Я больше повторять не стану...

Пошел к двери, косясь при этом странно.
И класс в испуге сжался, будто бы увял...
Ах, я учебник чуть не надвое порвал.
Должно быть, у меня и вид свирепый.
Ну и урок... Скандальный и нелепый...
Звонок... Сидят...

– Идите!.. Настя, задержись.

Похоже, что и ей я усложняю жизнь.

ПРИЗНАНИЕ

I

Ну вот мы и одни. За партой пятой
Сидит она, склонившись виновато.
Лица не видно – скрыто прядями волос.

Сажусь напротив... Но какой задать вопрос?..
У ней припухли губы, смотрит хмуро.

– Простите, я вела себя как дура...

– И вы меня простите, я ведь повод дал
Для ревности его. Из-за меня – скандал.

– Я ничего ему не обещала.

Он собственник во всем. Ему ведь мало
Того, что есть. И умирает он от мук,
Когда вдруг что-то ускользнет из цепких рук.

– Его я понял, вас, пожалуй, тоже.

И вот что думаю, урок итожа:

Причинами конфликта все же стали я

И к вам невольная симпатия моя.

Ее я спрячу, чтобы в заточенья

Не приносила больше огорченья.

Анастасия вспыхнула и горячо

Взглянула на меня. Одно ее плечо

Приподнялось, как крылышко у птицы,

Невидимой пораненное спицей.

Потом внезапно Настя сделалась бледна.

– Не все вы поняли. Я... Я в вас влюблена.

Сказала так и, сумку взяв скорее,

В мгновенье скрылась за немою дверью...

Ты этого хотел, желание тая,

Себе не признаваясь? Что ж, душа твоя

Окроплена живою влагой чувства

Прекрасной девушки. Но будут густы

На поле всходы? Их готов лелеять ты,

Как дар небесный, презирая злые рты?

Или позволишь их засыпать снегу?

Нет, Настя, я Николин, не Онегин.

Ушла так быстро, что оставила тетрадь.
Стихи?.. Ее?.. Нет, не могу не прочитать.

«Поверь... Поверь, что мое сердце честно.
На рынке отношений я как в лживом сне.
Освободи от лицемерной песни,
Которая всю душу истерзала мне.
Позволь прийти в себя, верни мне разум.
Как тяжело во лжи все время пребывать.
Зря не терзай, избавь от муки сразу.
На алтаре любви готова жертвой стать.
Сейчас я не живу, а существую,
Надеждой тешась, что свобода впереди,
Нет больше сил терпеть. И об одном прошу я,
Молю: освободи меня, освободи...».

Кому посланье трепетное это?
Вверху две буквы – словно тень секрета,
Который несколько минут назад исчез.
Две буквы вензелем девичьим – ЭН и ЭС.

II

Бессонница... Я над собой не властен.
В горячей голове лишь – Настя, Настя.
В растерянном пространстве, для души пустом,
Весь мир соединился в имени простом.
В нем все, что я искал порой рассветной,
Соблазны отвергая и советы.
В нем смысл и истина простая бытия,
Которые постичь пытался тщетно я,
В заоблачные дали улетаю...
Вселенная явилась, оживая,
В созданье, самом тонком, своего ума...

Анастасия – тайна, чудо... Ты сама
Меня окликнула, покров теряя,
Отчаянному сердцу доверяя.

Такая сдержанная и в своем кругу,
Раскрылась вдруг цветком апрельским на снегу,
Готовая и к гибели, и к жизни.
Нет, выбор твой – не девочки капризной
Случайный жест, а зарожденное в тиши
Движение созревшей для трудов души...
Тебя я встречу... завтра. Будь готова
Мое услышать искреннее слово.
Тебе я расскажу, как другу, как себе,
О самом сокровенном, тайном – о судьбе.

III

Урок прошел сегодня очень скучно.
Ребята отвечали равнодушно.
А Лапин извинился и потом был нем.
Сидел, в учебник глядя, будто должен всем.
И я растерян был, как день ненастный, –
Пустую оказалась парта Насти.
Девчонки сообщили, что она больна.
Иду к Лесковым. Вот их двор и два окна.
Второй этаж, дверь голубая справа...
Забилось сильно сердце... Что ты, право?
Уймись – не мальчик я. Позволь мне быть собой.
Звоню. Ни шороха за дверью. Боже мой...
Я не могу уйти вот так – не волен.
Звоню опять. Шаги...

– Кто там?

– Николин!

Дверь отворилась тихо. Господи, Она!
Растеряна совсем и, как луна, бледна,
А на щеках румянец нездоровый.
– Случилось что? Очнись, скажи хоть слово!

Касаюсь плеч ее. В жару она – дрожит.
Страданья, боли тень в глазах ее лежит.

Со лба ее сырую прядь снимаю.

Что делаю, и сам не понимаю.

– Иди в постель... Накройся... Дома никого?
Сказать не можешь? Очень больно? Ничего...
Мне глаз твоих важнее откровенье.

Вчера был спор, а после – объяснение.
Потом, что тут гадать, ты не пошла домой,
Бродила тенью безнадежной и немой
По улицам холодным, равнодушным.
И было от переживаний душно.
И ты сидела на скамье, глотала снег...
Тебе казалось, что бессмыслен стрелок бег,
Что я, Николин, – первый твой мучитель.
Все было так? Догадлив твой учитель.
И не спроста: душа его полна тобой.
Ты – трудный идеал, ты – строгий ангел мой...

Казалось, от тревог, исканий ранних,
Сердечных мук и разочарований,
От игр, где отношений жертвенных не чтят,
Я так устал, что только труд рассеет чад
Моих сомнений, смыслом став, спасеньем.
Я думал, время, словно вихрь осенний,
Разгонит сладостных желаний хоровод
И трезвость черствая со зрелостью придет.
Но нет, мечты мои лишь отступили
Перед рассудком, покоряясь силе.
Они вернулись... Мне всегда хотелось знать,
Работать для кого, кого от бед спасать,
Упрямо тратя жизненные силы,
Где Доброты и Веры образ милый,
Где Честности страдающей, живой лицо?
Вокруг меня сжималось суеты кольцо.
Все раздражало: прагматизм поступков,
Мещанский рай – воды толченье в ступке,

Дорвавшихся до власти подлецов напор,
Рулетка жизни новой, новый наглый вор –
Вчерашний умник, молодой зануда
И проповедник западного блуда...

Теперь я воскрешен. Нашел я, что искал:
Трепещущую рощу у карьерных скал,
Цветок отважный в ледяной осаде,
Струю живую в ядовитом смраде.
Хочу сберечь их, умереть хочу за них.
Они в тебе, они сейчас в глазах твоих».

В зрачках ее магнит необоримый.
Склоняюсь, светлой нежностью томимый.
Губами собираю влажный бисер слез,

– Сниму твой жар, как ласковый и свежий плес.
Возьму с собою твой недуг. Пусть ветер
Его рассеет. Пусть метели вертел
Его смешает с пылью ледяных пустынь.
И пусть вместо него взрастет потом полынь.

– Прости, смогу в ответ сказать лишь слово:
Люблю и век тебя любить готова.

Как просто все. Ее усталое лицо
И рук на простыне тревожное кольцо
Всего на свете мне сейчас дороже.
Я становлюсь ответственной и строже.
Мне Бог доверил хрупкий плод своих трудов.
Я бережно его всю жизнь нести готов
От края тьмы до солнечного края,
От злых людей и бед оберегая.
Мои ладони светлой жалости полны.
Как влажен лоб ее и как глаза ясны:
Сошлись болезнь и сила возрожденья.
Душа ее в огне освобожденья
От тяжких снов.

- Возьми...
 - Что, Настя, не пойму?
Листок?
 - Не удивляйся бреду моему.
- Еще стихи – к свободе путь из плена.
Прочту потом – звонят...
- Наверно, Лена.
 - Не поднимайся – я открою дверь... Привет.
 - О, здравствуйте! Ну как тут наша Настя-свет?...

ЗАБАСТОВКА

I

Ноябрь кончается... Как неуютно.
 Окно в толстенном льду. За ним все мутно.
 И в жизни также. Уж не знаешь, как и быть.
 Аскетом стать иль бунтарем прослыть...
 Нет ни гроша – не выдали зарплату.
 Довольствуюсь картошкой да салатом.
 Политики, чиновники который год
 Бессовестно, жестоко мучают народ.
 А он все верит в их слова и милость.
 Учителство и то ведь превратилось
 В раба, легко, безвольно сдавшись в плен
 Системе воровской, вольготной для гиен,
 Втоптавшей в грязь, в дерьмо мораль
и совесть...

Взывать к любви, когда любая новость
 Возносит до небес бесстыдного дельца,
 Когда глашатаи твердят нам без конца:
 «В наживе только смысл», – ведь это то же,
 Что быть прислугой у чужого ложа,
 Смирненно прикрывать чужой порок и грех
 И молодость готовить для чужих утех...

Вот – в дневнике: «Скворцова и Чернова
Вчера не ночевали дома снова.
В субботу видели их поздно у ДК.
Их увезли с собой два лысых мужика.
Беседовал с родителями – пусто:
Самим бы привести в сознание чувство.
Запились, что им дочки... «Взрослые...» –
твердят.

Ну а девчонки лгут и на меня глядят
С сочувствием: «Такая уж работа –
Мораль читать... И как ему охота?».
Ну что докажешь им словами, языком?
Что вдолбишь Лобову – он вечно под хмельком?
Они не верят, что я честен в дружбе.
Да, уважают... за прилежность в службе...
Треть класса пробовала «травку». А вино
На вкус знакомо чуть не всем давным-давно...
Пора страстей, душевного разлада...

Есть, слава богу, для души отрада.
Анастасия – свет в безбрежности ночной...
Твои порывы, сны, тревоги – все со мной.
В сто первый раз твое письмо читаю.
С тобою к свету рвусь, с тобой страдаю:

«Медью рыжею окольцована,
Будто пламенем опоясана,
Плетью правил исполосована
Ты, душа моя, несогласная.
Рвешься птицею в высь шелковую,
Где молчит лучезарный колокол.
Но, с рожденья к земле прикована,
Тащишь тяжкий свой камень волоком.
Бьешься, бедная, в исступлении.
А когда только в чудо верится,
Молишь Господа о прощении.
Не взлететь, оставаясь пленницей».

Остановить слепой, привычный жизни ход
По кругу неизменному, а не вперед,
Избавиться от страхов и сомнений,
Порвать цепь давящих установлений,
Из плена вырваться и гражданином стать –
Вот то, что нужно сделать, – хватит прозябать.

Чему могу я научить Антона, Нину,
Когда не смею сам быть гражданином,
Не смею защитить простейших прав моих
Достоинства коллег, голодных, но немых
И жертвенно несущих факел знания.
Об этом и скажу я на собрание...

У Насти неприятности из-за меня:
Сестра все время донимает, нас жена.
О наших отношениях и в школе
С подругами болтает. Сплетни молюю
Порхают в классах и среди учителей
И нагло изъедают тайну двух огней...

II

Просторный кабинет, а мест свободных нет.
Как день ненастный, беспокоен педсовет.
Мужчин – один, два, три и я – четвертый.
Решать все – женщинам... Народ-то тертый.
Привык всю жизнь командовать, повелевать,
И детям, и себе покоя не давать.
Но вот он перед выбором: взорваться
Иль светочем стоическим остаться.

– Вы сами знаете, как мы теперь живем.
Забыв про магазины, только то жуем,
Что вырастить сумели в огороде.
А наши дети уж и не подходят
С обычной прежде просьбой сладкого купить.
Коллеги, разве можно этак дальше жить?!

Наш профсоюзный друг сейчас заплачет...

– Вы вспомните, ведь жили мы иначе.
Ведя урок, не думали, где взять займы.
А чем сегодня наши заняты умы?
А вот чем: с вузовским образованием
Мне не одеться, как Танюше, Свете, Ане.
И смотрят школьники иные на меня
Словно на дуру с тяжелой лейкою у пня.
Что делать нам, какое ваше мнение.
Не буду вам навязывать решение.

Вот так всегда: всплакнем, но в бой не позовем.
Не потому ли в нищете такой живем.

– Мой сын вчера вопрос задал мне прямо:
«Зачем ты стала педагогом, мама,
Все силы отдаешь гимназии своей?».

Да, бедной Анне Федоровне всех трудней:
Одна растит мальчишку-инвалида.
Терзает сердце женщины обида:
Детей грамматике учила двадцать лет,
А денег-то и на лекарства нет.

– Сереже я ответить не сумела,
И, прячась в ванной, до ночи ревела.

Ну вот и слезы – покидает кабинет.
И ульем загудел учительский совет:

– Пусть честно скажет власть, как перед Богом,
Что грамотных в России слишком много,
Что не нужны мы, педагоги, никому,
Что в пору брать нам в руки посох и суму.

– В мир рыночный нас заманили ловко,
Но оказалось, это – мышеловка.

– Что предпринять, коллеги, как теперь нам быть?
Придется, видно, забастовку объявить.

– Не торопитесь, взвесьте все сначала.

Вот директрисы слово прозвучало.
Какой-то злою выдержкой сильна она.
И с виду – стол тумбовый: тяжела, крупна.
Эмоций на лице не прочитаешь,
И, что замыслила, не угадаешь.

– Аванс получим завтра... Верно, трудно нам,
Но на гимназию замок повесить – срам.
Понятно ведь, не дети виноваты,
Что не дают нам вовремя зарплату.
У нас, как у врачей, свои есть долг и честь.
Будь педагогом, даже если хочешь есть.
Не мы одни в таком вот положении.
Больна Россия... Стачки – не лечение.
Всем тяжело сейчас, всем выдержка нужна –
На переходе к демократии страна.

– Порой желудок наш мудрей сознания.
Сознание без желудка – наказание:
Сознательный гнетет себя – аж пот со лба –
Суровой, чем хозяин своего

раба, –

Я говорю – молчать уж тошно стало:
Опять дурачат нас как деток малых. –
– Людская совесть – ловкий инструмент
В руках того, кто хочет обуздать момент.
Сумел узду набросить всех скорее –
Гони коня, пока ни околеет.
И мы сегодня в роли этого коня...
Простите за сравнение грубое меня,
Что кони мы, воспитанники знают
И только как коней нас уважают.
Пора, давно пора нам гражданами стать.
А потому я предлагаю бастовать.

Ш

Услышали, хоть говорил неловко.
Влились мы в областную забастовку.
И я, так решено, возглавил комитет.
Назад дороги, без позора, больше нет.
В дневник вношу: «Нет места компромиссу!»
Теперь о разговоре с директрисой:

«Как только прекратил дебаты педсовет,
Меня позвали к Ольге Львовне в кабинет.

– Вы что наделали, пацан, мальчишка!
Остановить всю школу – это слишком...
Что говорили вы... Несли какой-то бред
Про граждан, про коней!.. Вот это вред так вред!
Гимназию решили баламутить?
Я не позволю, слышите! Забудьте
И думать о таком... Мы упустили вас.
Ошибочка. За вами нужен глаз да глаз!
Мне в школе больше воду не мутите.
Работать надоело – уходите!
А то совсем как тот пострел – везде успел.
Довольно вашего романа с Настей Л.

– Что, что?..

Меня ударило как током.
Измазать светлое так зло, жестоко...
Еще бы слово – я бы эту стерву удавил.
Не помню точно, что в ответ ей говорил.
Она молчала, но глаза коровьи
Густой, враждебной наливались кровью.
Мог плохо для меня закончиться скандал,
Но бдительный профорг, войдя, его прервал».

Впитай дневник мое негодование:

«Как можно быть такой свирепой дрянью
И гневно втаптывать всё без разбора в грязь,

Когда в твоих руках, как меч суровый, – власть?
Как можно отвергать чужое право
Сметь мнение иметь, когда дырява
Твоя местами хитроумная башка.
И у вождей ведь иногда тонка кишка.
Бесплодна вся начальственная хмурость,
Коль никого не слышишь. Слышать –
мудрость».

КЛЯТВА

I

Взволнован, но внимателен 10 «А».
Давно ждет важной новости. Что ж, вот она:
– Друзья мои, нас круто зацепила
История. Вчера постановило
Собрание педагогов: школе – бастовать.
Вы взрослые уже – сумеете понять
Людей, чьи дети даже хлебу рады.
– Их – да, а вас? Зачем вам это надо?
Евгений хочет знать!.. Но любопытно всем.
– Зачем?.. Да стыдно и обидно быть ничем.
Когда есть молодость, желанья, силы,
Как можно быть рабом среды унылой,
Таить в себе негодования вулкан?
Чтоб время изменить, нам срок короткий дан.
– Надеетесь, что вы сильней системы?
– Давай поговорим на эту тему.
Кому не интересно, можете идти...
Итак, есть паровоз, мы на его пути.
– Жестокий паровоз и равнодушный.

– Ему на станцию «Нажива» нужно.

Ребятам, кажется, понравилась

игра –

Не все ушли – десятка, может, полтора.

А эти окружили дружно, плотно.

– Он притормаживает неохотно.

Берет, так только двух, а оставляет трех.

И всё – о'кей: он сам себе Закон и Бог.

Сгоняет неудачников в кюветы

И с раздражением трубит при этом.

– А вы хотите поперек дороги встать...

– Не я один. К тому ж, нетрудно выбирать:

На рельсы сесть иль смирно лечь в кюветы

И руки на груди скрестить при этом.

– Мотив понятен: жизни нет – начни войну.

Евгений Лапин резюмирует: – Ну-ну...

– Второй мотив понятен, вроде, тоже:

Быть вожаком, пока сильней, моложе.

Но надо стаю вам надежную иметь.

Большого зверя без нее не одолеть.

Опасно в бой бросаться без расчета.

– Директору теперь вас съесть охота.

И это им известно, знать, учителя

Их информируют по-дружески,

как я.

Любаша-староста все примечает.

– Теперь директор вас врагом считает.

Наслышаны о вашей перепалке с ним.

Зря не рискуйте – потерять вас не хотим...

– Спасибо вам за доброе признание.

Расходятся... В душе моей сиянье,

И не пугает новый беспокойный день.
Но что-то с Настей: на лице как будто тень.

II

– Присядь. Больна или беда случилась?
Рассказывай... Да не таись ты, сделай милость.

– Вчера был дома долгий, трудный разговор.
Родители вопрос задали мне в упор
О наших отношеньях. Мать сказала,
Что дело может кончиться скандалом.
Из школы был звонок. Чей, не открыли мне.
Ну вот... Хожу-брожу теперь как в полусне.
Но, знаешь, мне плевать на эти сплетни.
Пока нужна тебе, на белом свете
Нет человека ближе для меня, чем ты.
Тебе я верю. Ты пришел без суеты.
Меня увидел сразу, понял сразу.
Я помню до сих пор живую фразу.
Ты мне сказал ее в один сентябрьский день:
«Твоей душе неведомы покой и лень».
Как верно: я в огне – хочу на волю.
С тобой... И не страшна любая доля.

– Сокровище мое, моя душа, клянусь,
Что от любви ни перед чем не отрекусь.

Как горячи ее доверчивые губы
И солона слеза ее. Мне любо
Все до ворсинки в этом хрупком существе.

– Люблю, жалею...

Закружилось в голове...

Испытание

Часть вторая

МИТИНГ

I

Мятежный лагерь колбинских шахтеров,
Крутой продемонстрировавших норы,
Транссиб великий перекрывших по весне.
Отчаянный поселок... Вот он, не во сне –
В развилке магистрали и шоссейки,
Бегущей в город Колбинск серой змейкой.
Калейдоскоп палаточный. Народа тьма.
Как будто угольщиков край сошел с ума.
Волна людская хлынула на насыпь.
Открылся митинг.

– Шаг наш не напрасен.

Ведь поднимаются другие города.

Их делегации приехали сюда.

Довольно над людьми экспериментов.

Мы требуем: в отставку президента!

– Завод стоит. Заказов нет, работы нет.

Мы пушки делали, теперь нам всем – привет.

– С картошкой в «тормозке» идет в забой шахтер.

Сегодня он, как каторжник, во мраке нор.

Москве на нас плевать. У ней забота:

Занять у Запада. Горбом и потом

Нам отрабатывать потом ее долги.

Нет, не согласны быть скотиной горняки,

Ну, режут правду-матку... Зло и хлестко!

Жаль не в Москве, у самых стен кремлевских.

Далеконько от них колония Сибирь...

Но мужики сильны... И дерзость в них и ширь.

А это кто, очкастый, коренастый.

Товарищ из КэПээРэФа... Здравсьте...

Здесь горячо, и коммунисты тут как тут.

Хотят реванша. Щас шахтеров запрягут.

– Вчера внушали мне в прокуратуре,
Что думать надо о судьбе и шкуре...
Без солидарности рабочей пропадем.
Движенье наше ширить – вот задача в чем.
В Москве смятенья нет, но есть тревога:
Не стала бы железная дорога
Для всей России здесь зажженным фитилем.
Но время против нас: пока сидим и ждем.
Шахтеров поднимайте... Вас-то горстка.
Что за позор: горняк пускает слезки,
А рядом смело встать с восставшими – ни-ни.
Да это самому предательству сродни.
Довольно жить, потупив в землю очи.
Пусть снова встанет во весь рост рабочий!

Сказал по делу, в точку самую попал:
Кто в битве топчется и медлит, тот пропал.
Нет, этот парень явно не блефует
И головой отчаянной рискует.
Поговорить бы с ним.

– Скажите, кто таков?

– Да это красный депутат Сергей Чуйков.

А митинг завершается решением:
В отставку президента (пусть леченьем
От пьянства при займется, поумерив прыть),
Транссиб для пассажирских поездов открыть.
Толпа зашевелилась и распалась.
Шахтеры сбросили с дороги шпалы,
Легко, шутя стальной освобождая путь,
Успевший от трудов тяжелых отдохнуть.

II

Пойду-ка к штабу. Там найду Чуйкова.
Палатка крайняя бледна, не нова.

Давно стоит она: два месяца, поди.
По ней плакат короткий: «ЕБН – уйди!».
Неблагозвучна аббревиатура.
Плакатик этот в буквах темно-бурый,
Пожалуй, из вагонов можно прочитать.
Умно: проѐзжая Россия будет знать,
Чего хотят сибирские шахтеры,
Какой у горняка настрой и норов.

– Сергей Михалыч, побеседовать бы нам.
Хотел бы знать суть ваших нынешних программ.

– Так вы историк? Что же, знаете тогда,
Что нет общественных формаций – навсегда.
И рынка абсолют недолговечен.
Ведь он, по существу, бесчеловечен.
При нем продукт, любовь и дружба – все товар.
А что помимо – облака, пустейший пар.
Они – ничто для важных отношений.
Здесь повод для трагедий и лишений.
Смысл жизни – прибыль, то есть – денежный

навар.

С ним, словно с матрицей в башке, и млад и стар.
Людей, через Адама с Евой близких,
Бумажник разделил «стеной берлинской».
И вот вам вечный бой хозяев и рабов,
И полный разных жертв всегда голодный ров.
Но, помните, однажды рабство пало.
Все ожидали братства в дымке алой.
Увы... Однако стал свободней человек.
И он, с мечтой вступая в двадцать первый век,
Захочет сделать новый шаг к свободе,
Где деньги будут наконец не в моде
И где его оценят за добро добром.

– Но как построить-то сей справедливый дом?
Утопий разных было о-очень много.
Не проще ли пойти дорогой Бога

К такой же замечательной святой мечте?

Чем хуже этот путь к любви и простоте?

– Там все – на вере. Мы же – реалисты.

Да, не бывает абсолютных истин,

И утопична в чем-то каждая мечта.

Но эпопея коммунизма начата.

– Вновь к диктатуре – ради лучшей жизни?..

Вы разве не боитесь сталинизма?

– Вступая в трудный бой, готов будь ко всему.

Но я не сталинист по сердцу и уму.

Ведь люди – не пимы,

чтоб драть их щеткой

И на одну насаживать колодку.

А как на власть российскую глядите вы?

– Нет у гимназии-России головы.

У нас сейчас – день самоуправления.

Учителя ушли, и на мгновенье

Установилась власть подростков-школяров.

Им хочется всего. Вожак на все готов.

– Вас разве этот оборот устроит?

– Я среди тех, кто глубже землю роет.

Народовластье в пику новым господам

И прежним, задубелым, – вот что нужно нам.

– Вам жизнь испортить могут мысли эти.

Но и без правды не житье на свете.

ЛЕТО

I

Ну что за лето: от жары и сон не сон.

Каков Сергей Чуйков... Да прав, конечно, он:

«Ввязались в бой – не ждите снисхожденья...».

Тому декабрьский случай подтвержденье.
Три дня отбастовали школы – денег нет.
И мы поставили у мэрии пикет.
А вечером я повстречался с Настей.
Гуляла молодежь. Декабрь напрасно
Ее пытался снегопадом разогнать.
Для юных, пылких всякий вечер – благодать.
День – это школа, все там – пешки в строе,
А в уличном театре все герои.
Бродили пары в чарах счастья своего,
Не замечая никого и ничего.
Косяк девчат горланил что есть мочи
Попсовый шлягер про хмельные ночи.
На площади толкалась группа пацанов –
По «стрелкам» и «разборкам» асов и спецов.
«Качки» сосали пиво как с запарки,
Заманивая «телок» в иномарки.
Вдруг отделились двое и пошли на нас.
– Ты, длинный, либо ставишь пиво, либо – в глаз.
– Эй, мужики, спокойненько, остыли!..
Вы всех прохожих обирать решили?
Грабеж почти у мэрии... Ну и дела.
Зачем вас только, парни, мама родила?
– Ты чё, козел, читать мораль нам вздумал?..
Удар пришелся в грудь. Мой разум умер.
Я закипел и зарычал, как дикий зверь.
Вся мерзость жизни предо мной была теперь,
И ярость хлынула лавиной горной.
Я бешено схватил врага за горло.
Тот захрипел... Второй «качок» что было сил
Пнул сзади в спину. Я рукою зацепил
Его за воротник, ударил оземь.
Он замер под ногами в жалкой позе,

Ошеломленный мощью, злобою моей,
И завизжал, сигналив SOS братве своей.
Ко мне рванулись сразу три фигуры...
«Где Настя?» Насти не было... И буря
Вновь овладела мной: царил жестокий рок.
Я из ограды выломал трубы кусок
И кинулся троим «качкам» навстречу.
Меня опередили. Молний легче,
Примчались пацаны. И... Лапин среди них.
Он по-боксерски ловко уложил двоих,
А с третьим быстро справились другие.
Мальчишек Настя позвала. Шальные,
Они спасли меня, быть может, от тюрьмы.
Сражение кончилось – и разбежались мы.
Потом узнал, что среди битых лысых
Племянничек был нашей директрисы.

II

О драке все узнали на другой же день,
И на меня упала вновь расправы тень.
Допрашивали и судили в школе:

– Да за такое надо вас уволить.
В опасную историю втянуть ребят...
Не зря о вас как о безумце говорят.

Потом и в гороно меня пытали:
Зачем собрал детей, зачем скандалил
И что с бритоголовыми не поделил?

– Работать с вами дальше просто нету сил.
То вы флиртуете с учениками,
То слово бросите, как будто камень,
Всех к забастовке подстрекая, то пикет
У окон мэра соберете – ваш там след.
А вот как педагог вы бесполезны.
Да нет – вредны: детей влечете в бездну...

И с замом мэра Панинным был разговор:

– Остановитесь. Жаль вас – молоды... А сор
Из головы, ну, выметите, что ли...

Считайте, я вас спас: трудитесь в школе.

Да, безработным нынче стать, как умереть...

И пряник припасен у них для нас, и плетть...

Пикет мы через двое суток сняли,

Когда зарплату нам за месяц дали.

Ш

Как плавно и легко течет в реке вода.

Не жить нам также мирно, мудро никогда.

Трава спокойно тянет стебли к небу.

А мы так суетны. Нам мало хлеба,

Стараемся кусок оттяпать пожирней...

Как струи серебрятся – припади и пей.

А в синей выси облако застыло

Совсем одно. Там вольно, чисто, мило.

Оттуда свет струится веры и любви.

И кто-то шепчет мне: «Пока мы здесь, лови

Блаженства миг. Какие краски, звуки...».

О, это – Настя.

– Дай скорее руки:

Мы вместе ощутим, как все тут хорошо.

Позволь мне целовать тебя. Еще... Еще...

Река, зеленый рай, песок янтарный...

За это жизни будем благодарны.

Такой чудесный, яркий мир для нас двоих...

Мне мало губ твоих, мне мало глаз твоих...

– Возьми же всю... О, милый, я слабею.

Как яблоки грудей белы. Не смею

Рукой касаться их. Губами их ловлю.

– Ты чудо из чудес. Люблю тебя, люблю...

Изящный стан, живые дуги бедер...
Все это наяву, все – мне. Свободен
Я от запретов. Все, как бог, сейчас могу:
Пастись на белом девичьем лугу,
Ласкать трепещущую живота долину...

Что?.. Что я делаю? Она – невинна.
Пускай взорвется естество мое, но – нет!
Испорчу все и принесу ей много бед.
Она ведь лгать не может и не хочет.

– Очнись, мой милый друг, открой же очи.
Прости... Моя любовь так глубока, сильна,
Что не могу я осушить тебя до дна.
Настанет время – буду в наважденье
Нектар твой пить неспешно с наслажденьем,
Теряя счет часам. Глоток... Еще глоток.
И будет нас нести счастливых дней поток.

IV

– Любимая пора... Нет, это – не о лете.
Но я бы так о нем сказал в куплете.
Мы по тропе над речкой с Настею бежим,
Вокруг берез, любви свидетельниц, кружим.
И терпкий лист, и сладкая травинка
Для нас, чудных, – открытие, новинка.
А незабудки синий крохотный цветок –
Привет душистый, упоительный восторг.
Как душно в городе: там чувство – узник,
А здесь все, все в округе – наш союзник:
И птаха малая в сплетении ветвей,
И вечный ловкий работяга-муравей,
И сумрачный пихтач, где сыроежки,
И луг шелковый со стожарной вешкой.
Как жаль, что навсегда нельзя остаться здесь,
Что надо возвращаться в мир, где лесь и спесь,
Где счастье вызывает подозренье,

А искренность – тревогу, раздражение,
Где чувства хлопотные любят лишь в кино
И юности мечты оставили давно.

V

Мы вышли на шоссе. Вверх топать неохота.
Вон, от моста, к нам движется «тойота».
Попробуем притормозить ее.

– Алло-о!

Неужто Лапин?!

– Женька! Вот так повезло.

Евгений с девушкой, нам не знакомой.
День жаркий – тоже не сидится дома.

– Машину водишь... Молодец... Хороший ход.

– Отцовская. По городу гонять дает.

– А с боксом как? Каникулы?

– Напротив.

Готовимся к спартакиаде. В поте
Лица приходится теперь трудиться нам.
А как у вас дела?

– Качаюсь по утрам.

Есть гири, не хватает только штанги.

В неделю пару раз танцую «танго»

В «афганском» клубе. Неплохие есть бойцы.

Теперь там и «чеченцы». Парни – молодцы:

Друг друга поддержать всегда готовы.

Увечным помогают. Тем хреново:

Работать негде без ноги или руки,

А надо жить, не доживать – не старики.

– Братва не переходит вам дорогу?

– Им приказали, видимо, не трогать.

Я ваш теперь должник: спасли ведь от тюрьмы.

– Иначе и не выжить: «Волки или мы».

– Что шлягер «Арии» тебе по вкусу? –
Качнула Настя головою русой. –
Ты слышал, как Антон Гринев его поет?
Всю школу русским роком заразил.

– Могёт!

Артист получится, наверно, классный.
Гордиться надо, что в одном мы классе...
А шлягер сделан круто. И в словах есть соль.

– Ну, «волки» – это те, кто держит в страхе голь,
Чтоб не мешала жить им всласть и чтילה, –
Вот и задам вопрос, прямой, нехилый:
А кто же «мы»?

– «Мы» – те, кто им не по зубам,
Кто хочет жить свободно, как желает сам.

– Но чтоб так жить, одной лишь силы мало.
Свободным нужно быть от капитала,
От власти денег, купленной на них лапши,
Что вешают на уши щедро, от души...
От нищеты, которая заставит
Лобзать подошвы боссу той же стаи,
Которую вчера отмолотили вы.

– Ну, ладно, Станислав Ильич, правы, правы.
Но, сколько хватит сил, мы будем драться.
И раскачаем мир из декораций,
Расставленных вчера не нами, не для нас.
А за народ страдать и за рабочий класс
Не собираемся: не видим толка.
Нет выгоды. Мы за себя – и только.

VI

От солнца город плавится, как пластилин,
Расползся битум на асфальте, словно блин,

Над мэрией триколор липнет к штанге,
Листва обвисла, киоскерша-ангел
С досадой подает подтаявший пломбир,
С тревожным свистом ласточки сверлят эфир.
Все требует от зноя избавленья...
И вот вам: с юга плотной синей тенью
Идет гроза. Блеснуло в темном чреве туч.
Мрак – гуще, гуще. Поглощен последний луч.
Поток воздушный подхватил газету
И жестью застучал по крыше где-то,
Березы заголяя, между белых тел
Закуролесил, закружил, зашелестел.
И вдруг притих, когда большие капли
Нам плечи обожгли. Девчонки-цапли
По лужам и ручьям, проспект залившим весь,
Бегут, спеша под остановочный навес,
И мы стремглав пускаемся за ними...
Ну вот и спасены... Я слышу имя
Мне дорогое в плеске бури водяной.
Нет, Насти не отдам: со мной она, со мной!
Возьми все, что имею я, стихия,
Но только не ее! А коль лихие
Меня настигнут дни на тщетной высоте
И на осиновом, кривом распнут кресте,
Не тронь ее, оставь для возрожденья
Добра и красоты ростком спасенья...
Я обнимаю хрупкий стебель, чтоб согреть,
Готов отдать ему тепло и умереть.

ЛАГЕРЬ

I

Как рано нынче выгорели травы.
Пырей колосьями желтеет справа,
А за его полоской – частные дома.

Живут там горняки, «сошедшие с ума»,
Остановившие Транссиб великий.
Постройки деревянные безлики,
Дворы лежат усталой цепью, тяжело.
А слева – дерзкие палатки. Тут – светло.
Но давит тот же зной, а пуше – неизвестность.
Что будет завтра: потрясет окрестность
Атака зверская омовцев с утра
Или шахтерское победное «Ура!»?..
Пока у насыпи лишь пост ментовский.

– Менты из Колбинска, свои все в доску.
Но тренируем их, – смеется комендант
Палаточного лагеря Левко Богдан.
– Врубили как-то громко, на весь лагерь
К моменту подходящий старый шлягер...
Не помнишь что ли?.. Про «надежду» речь идет,
Что умирает, мол, последней... Ну и вот,
Менты скорей построились «забором»:
Подумали, отчаялись шахтеры
И с музыкой на провокацию пойдут.
Как всполошились, как засуетились тут.

Левко – мужик хозяйственный и строгий.
Повыгонял из лагеря премногих –
За водку и вино – они запрещены –
И за скандальность – бузотеры здесь вредны...
Зашевелит усами он сердито –
Зря не хитрите: ваша карта бита.
Обвисли светлые, хохлацкие усы –
Прощенье близко: можно поднимать носы.
Задрался левый ус – не бойся бури:
Богдан смеется, шутит, балагурит.

– Где наших группа собралась, там сразу – мент.
Вокруг прохаживается, как тот джентльмен.
Решили слух у одного проверить.

Друг другу шепчем: «Хлопцы, мы не звери,
Но со шпионами дружить нам ни к чему.
Мешок сюда: устроим темную ему».
Глядим, а мент – бочком, бочком и скрылся.
Вот это уши – лагерь подивился.
Ребятам говорю: «Слухач – ну чисто волк.
Его б на белку вместо лайки – был бы толк».

Расположившись мирно на пригорке,
Шахтеры говорят о переборке
Властей российских и, конечно, городских.
Все очень ясно по простым понятиям их:
Прогнать плохих людей, нанять хороших,
Что могут избежать ошибок прошлых,
Не станут загонять в командный коммунизм
И первобытный насаждать капитализм.
Скрестить бы Запад и Восток в гибриде,
Чтоб в нем они предстали в лучшем виде...

А вот и Дрогин – бригадир, вожак, душа.
Володя – здешний. Все тут знали крепыша
С Садовой, игр потешных заводилу,
А позже – паренька, улыбкой милой
Легко девичьи покорявшего сердца,
Потом – чумазого шахтера-молодца...

Однажды Дрогин спас ребят в забое.
Все ладилось, а он вдруг за собою
Их потащил подальше от большой беды.
Обвал тогда оставил страшные следы.
Но люди уцелели – в семьях праздник был.
Володе кланялись. Ну, он и сообщил,
Стыдясь себя, ни на кого не глядя,
Что в полусне предупрежден был дядей,
Задавленным на шахте восемь лет назад.
С тех пор ребятам Дрогин более, чем брат.
Вокруг него – гаранта от несчастья –

Они сплотились даже **против власти.**
Да, с ним не дрогнут, **коль придут силовики...**

В руках двоих парней какие-то листки.

– А что вы тут читали?

– Да записки...

Из поездов бросают пассажирских.

Послушай тоже: «Горняки, хвала вам, честь!
Бастуют те, в ком мужество и совесть есть!»;

«Бориска расплодил господ и гадов,

Что думают не головой, а задом!»;

«Отцы Отчизну отстояли в дни войны.

А кто спасет ее от геноцида? Вы!».

II

В палатке жестко ночевать, но я люблю:
Земля мне что-то шепчет. Вслушавшись, ловлю
Ее легенды смысл, старинный, тайный...
Свежо, и дышится легко... Случайно
Ноздрей коснулся дым костра – прощанье дня...

Как рвется Настя к жарким всполохам огня:

– Хочу туда, хочу быть сопричастной
К твоим тревогам и к попытке страстной
Хоть что-нибудь в судьбе людской переменить.
Возьми меня с собой, чтобы живую нить
Событий мы почувствовали вместе.
Мешать не буду: пусть меня окрестят
Безмолвной тенью, чьи шаги, как ночь, тихи.

Запомнились ее последние стихи:

«За холодным, слепым окном
Ветер небо рвет на куски.
И, врываясь сквозь стены в дом,
Гром, как молот, стучит в виски.

Сжав ладони, закрыв глаза,
Затерявшись среди миров,
Я опять ухожу туда –
В мир фантазий и ярких снов.
Убегу от мирских забот,
Отрекаясь от суеты.
Бесконечная даль зовет
К тем высотам, где Свет и Ты».

Боготворит меня – об этом строки.
И надо стать
действительно высоким,
Чтобы такой любви всегда достойным быть.
Возьму ее с собою: мы должны испить
Воды в источнике свободы вместе
И вкус познать святой борьбы и чести.

ПЕРЕГОВОРЫ

I

Дождались: едем к губернатору. Пора
С ним объясниться, чтоб посланников двора
Веселого кремлевского «плэйбоя»
Командой встретить здесь, без разнобоя.

Приказано прибыть к двенадцати часам.
Сказали, будет из Минтопэнерго «зам».

Столица области все хорошеет.
Реклама блещет, вывески алеют.
Подходы к шопам выстлал плиткой коммерсант,
И наш пустокарманный трудовой десант
Средь пестроты, как не в своей тарелке.
Но вместе мы народ не самый мелкий.
Ведь вот же: в гости к губернатору идем...

На площади Советов строгий Белый дом
Орлом двуглавым, имперским украшен.
А Ленин все стоит, рукою машет.
На что теперь? На победивший всюду НЭП?..
Фигура розовеет. Солнца круглый хлеб
Скатился за почтамт со старой башней,
Привычной здесь, на площади вчерашней.

Два зданья у администрации теперь.
Мы входим в малое, открыв тугую дверь.
Дежурные сверяют нас со списком.
В нем наш стачком, арзасский, самый близкий.
Не скоро соберемся – торопились зря.
Начнется разговор не раньше, чем заря
Восток окрасит, день родится новый...
Второй этаж... Ну вот и зал искомый.
По всей длине – «Тэ» полированных столов.
Над председательским – сплетение орлов.
На окнах с внешней стороны – решетки.
Та, в центре, – точно герб советский. Четко
В ней отпечатались былые времена.
Отсюда площадь замечательно видна.
Уже – в огнях. Вон – памятник в подсветке.
Вон – елочек шеренга: ветка к ветке.
За ними длинный, серый корпус ФСБ...
Как отразишься, площадь, на моей судьбе?

II

Всю ночь бодрились, глаз сомкнуть не смея.
С рассветом как-то стало веселее.
Народ собрался тертый, умный, боевой.
Вот Дрогин с горняками – колбинский герой,
А вот Карманов с группой из Петровска.
Серьезен, мудр... Готов разбиться в доску
За машзавод, который снова встал.
Вот Маршин из Дубков:

жилищников собрал

И вывел на железную дорогу...
А вон Маланьин... Мужественный, строгий
И сдержанный. Есть внутренняя сила в нем.
Маланьин – депутат в Совете областном...
Вот и Чуйков...

– Сергей Михалыч, здрасте.
Похоже, скоро разгорятся страсти?

– А, Станислав... Привет, привет...

Да как сказать?

Не хочет власть

серьезно нас воспринимать.

Начхать ей на все требования, стачки.
Посмотришь, разговор сведут к подачке...

Шумок по залу – вот и время новостей.
Вошел Танеев – проводил к столу гостей...

Он неизменно людям интересен:

Характером бунтарским всем известен.

Политик яркий, да еще и с головой...

Как губернатор, он за край в ответе свой

И должен погасить конфликт «дорожный»,

Но – с выгодой для области возможной.

Глядит сурово, прямо, но не свысока.

Стареет, не теряя статности пока.

Еще черна волос упрямых шапка.

На вид – так муж: судьбу возьмет в охапку.

– Приветствую вас всех. Последний разговор
С шахтерами в июне был. Воды с тех пор
Немало утекло. В разгаре лето.

Готовимся к зиме. Мы все в ответе

За наши города. Не заморозить бы!

Тогда беда... Не дай нам бог такой судьбы.

Но перекрыт Транссиб. Все – жди Мазая!

В убытках область. Мы себя терзаем.

Себя наказываем — можно ведь понять.
Что толку здесь между собою воевать,
Сшибаться лбами, высекая искры.
К Москве вопросы? Вот вам замминистра.

Зачем нам зам, коль не устраивает сам:
Сам Президент страны, России — стыд и срам.
Зам — это ноль, всего лишь гость московский.
Что нам какой-то Игорь Кожуховский...

— Да, я уполномочен диалог начать,
Но при условии, что согласитесь снять
Свой лозунг об отставке и блокаду.

Ого, а нашей сдачи в плен не надо?
Ну Игорь... Ультиматум-то — тупик, завал...

Очнулся и загомонил суровый зал.
Что делать? Горсткой до упора биться
Или просить зарплату у столицы?
Тайм-аут взяли, чтоб мгновенье осознать.

— Нет, президента нам сегодня не донять:
Слабы мы, нету массовой поддержки.

— Хоть шерсти клоч с овцы паршивой, мерзкой:
Зарплату тем, кто был на рельсах, бастовал.

— Закрывать дела на тех, кто люд на рельсы звал.

Сошлись на том, ведь что-то делать надо.
Пойдет навстречу власть — конец блокаде.

Звонок в Москву... Увы, нет толку ни шиша:
«Откройте путь, сидите тихо, не дыша».
Москве плевать, что люд голодный злится.
Ох, далека ты, далека, столица.

Еще болтали час, не двигаясь вперед.

— Ну дайте деньги тем, кто без зарплаты год.

– Дичь: перекрыли транспортную реку!..
Но как, скажите, выжить человеку,
Как защитить себя, свою семью, детей.
Наимудрейшие, скажите без затей.
Мы вашему последуем совету.
Но вы молчите – выхода-то нету.
Не помогли добиться платы за труды
Пикеты, голодовки, стачки и суды.
Надеялись на рельсы... Но – напрасно.
Что остается?.. И сказать опасно.

ВМЕСТЕ

I

Она со мной... У ней лихой спортивный вид.
Вожу ее по лагерю, как старый гид.
Шучу, трещу сорокой – пьян от счастья.
А если бы позволила мне Настя,
В хмелю носил бы на руках ее весь день...
Стоит жара. Мы прячемся от солнца в тень
Желтеющего пузыря палатки.
Я обнимаю Настю сладко, сладко,
Целую мягко губы нежные ее,
Глаза, в которых целый мир и все – мое.
Как редко вместе мы, свободно, близко.
Встречаемся теперь – на грани риска.

– И что же ты сказала дома всем своим?

– Ну, что пошла в поход с друзьями. В общем, им
Впервые солгала.

– Тут я виновен.

Увлеч тебя романтикою нови,
Борьбы за справедливость, дружбы боевой,
Но не задумался, что сделают с тобой,
Когда узнают всё, прибавив сплетен.

– Да не расстраивайся. Не секретен
И не рассчитан на игру мой дерзкий шаг.
Его надежней, проще было сделать так...
Ну а потом что будет, то и будет.
Такой мой выбор – пусть меня осудят.

– Ах, Настя, «декабристка» верная моя,
Прости, что стал невольною причиной я
Переживанья твоего, страданья...
Достаньтесь мне все камни наказанья.

II

Спадает жар и блекнет день... Мы у костра...
Сидеть готовы хоть до самого утра.
Ночь разлила волшебный звон – глас Бога.
Он наполняет душу. Все тревоги
Сгорают в рыжем пламени, искря, дымя.
И мир нисходит на шахтерские дома.
Там гаснут окна. Вместо них все легче
В домах небесных вспыхивают свечи.

– Как плотно, дружно населен небесный дом.

– Да, да... И я сейчас подумала о том.
Я верю в Разум и Любовь вселенной.
Все в ней так гармонично, так степенно.
И так красиво, что кружится голова.

– В гармонии весь смысл. Ты, Настенька, права. –
С ха́бсом справиться и разрушеньем,
Помочь природе сделать совершенней
Непрочный, быстро распадающийся мир –
Вот разума задача. Разум, как эфир,
Всегда, везде: и в космосе великом,
И в микромире, странном, многоликом,
И в измерениях чужих.. Он вездесущ,
Сплетает всё и вся в единство, словно плюш.

И движут разумом не «духи-числа» —
Любовь и Красота: без них — нет смысла.
— А что тогда Борьба, зачем деремся мы?
— Там, где хаос и где теряются умы,
Ведут вперед надежда, справедливость
Через рогатки, боль, судьбы ретивость.
— Ну что, дозорные, все тихо?.. Жив костер? —
Пришел Левко и с ним молоденький шахтер.
— Пора сменить вас. Спать, поди, хотите.
А если нет, то с нами посидите.
Ночь больно хороша. А это — сын мой, Глеб...
Сейчас картошки напечем. Она, как хлеб,
Всегда желанна, не надоедает.
На ней живем — тут каждый это знает.
— Так вы на шахте с сыном трудитесь вдвоем.
Вот молодцы. А то теперь любым путем
Готова юность делать деньги, бабки —
На производство не идет. И папки,
С ручищами в мозолях, с кошельком пустым,
Советовать, как жить, боятся молодым.
— Так долго не прожить: на старом даром.
Страна не может быть сплошным базаром.
На распродаже век не гарцевать.
Настанет завтра — и придется все вертать...
Ишь, расплодились всюду кошки, мышки.
Сметанку слизывают, сбросив крышки.
Сыр доедают наш с тобой, такую мать...
Но скоро не на чем им будет жировать.
Тогда отлавливать мышей придется.
— Кому?
— Кому... Уж так устроено под солнцем:

Кто больше съел и лучше сел, тот нам – и Сам...
Кому судьбу вершить?.. Отъевшимся котам.

– Вот, вот... Восторжествует победитель
В войне воров, грабителей...

– Смотрите,
Звезда летит, –
Вернулась Настя в разговор.

Левко вздохнул:
– Летит... И пусть подохнет вор
На барахле бессчетном и роскошном
(на нем, должно быть, сдохнуть дюже тошно),
Но звездочки светить не перестанут нам.

Шахтер, взяв длинный прут, согнулся пополам
И выкатил картофелину в саже.

– А звездный свет и для шахтеров важен?
Ведь ночью, точно под землей, темным темно.

Наивность Насти вызвала улыбку, но
Предобрую. И, кажется, с секретом.

Левко кивнул на Глеба:

– Пусть об этом
Тебе расскажет, растолкует молодой.

– А что рассказывать? Забой и есть забой.
Черно. На касках лампочки мигают,
А кровля крепь тугую напрягает.
И пыль стоит – от фонарей как будто шлейф.
Грамм двести пыли этакой за смену съев,
Естественно, стремишься в мир просторный.
Поднявшись на-гора, как «негра» черный,
Ты светишься душой и звездам шлешь привет.
Ура! Такой вот приблизительно ответ...

– Твой первый день я помню. После смены,

Сняв каску, забалдел ты: понял цену
Деревьям, солнцу, звездам –
вон какой простор!..

И улыбнулся вновь старшой Левко-шахтер.

Ш

Восток светлеет, поле стало волглым.

– Моя голубка, ты совсем продрогла.
Скорей в палатку. Где тут спальник? Вот же он.
Иди ко мне. Влезай сюда...

Ну что, Настен?

– Какая ночь была, какие звезды...
Здесь все яснее, здесь вольнее воздух.
Еще понравились отец и сын Левко.
Так просто о большом сказали, так легко.

– А для меня ты краше всей вселенной.
Ночь без тебя была б обыкновенной.
Прижмись тесней – хочу согреть тебя всю, всю.
Пусть утро тихо ткет туманов кисею,
По травам рассыпает чудо-бусы.
Закрой глаза, представь их и любуйся.
А я твои реснички буду целовать,
Твое дыхание ловить и умолять
Те силы, что господствуют над нами,
Быть милостивей здесь, под небесами.

ТАНЕЕВ

I

Мы у Танеева опять – близка «гроза»...
Еще суровой губернатора глаза.
И брови-дуги гуще и чернее,
И по вискам седины голубее.

Мы чувствуем, душа его болит, горит.
Как никогда он много, долго говорит.

– Страна лежит, и рвут ее на части
Те, у кого есть пасти позубастей.
Мы в тупике, в котором только дураки
Поддерживают Ельцина. Нам – не с руки.
Но я всегда был против остановки
Заводов, шахт. Ведь наши забастовки
Бьют нас самих. И видно это за версту.
Другие не шалят. Возьмите – Воркуту.
Путь поездам она не перекрыла.
А мы уперлись: Ельцина – на мыло
И дайте нам зарплату всю и поскорей.
Или пускай на рельсах вырастет пырей...
Вот так с Москвой ведем переговоры.
Я не уверен, что поймут нас скоро.
И что? На рельсах тупо целый год стоять?
А область будет замерзать и голодать...
Вчера отправил новую шифровку
Правительству про нашу обстановку.
Вот заявление московское в ответ:
Сойдёте с рельсов – прилетим,

а если нет –

Решение возможно силовое.
Когда прочел, яснее стало вдвое:
За кризис вся на нас возложена вина,
И денег «мира» у Москвы нет ни хрена.
Ей не с чем ехать, чтоб решить все сразу.
Но в нас-то должен шевельнуться разум.
Что предлагаю я? Освободить пути
И рядом с ними сесть, чтоб снова быть в чести.
Мы ничего при этом не теряем.
Ну а Москве придется в нашем крае
Работу начинать. Родится протокол,
Решенья обозначит – рухнет частокол...

II

Танеев кончил. Мы посуетились
И с ним, ворча, вздыхая, согласились.

— Вот так и должен был закончиться урок, —
Сказал Чуйков, когда был подведен итог. —

Мы раньше поражение потерпели:
Когда призвать рабочих не посмели
К всеобщей стачке до победного конца.
Найдя слова, что зажигали бы сердца,

Своеобычный, жесткий у Чуйкова нрав:
Считает, что всегда, везде, во всем он прав.
Вот и Танеева сурово судит.

А тот ведь чувствует, что сегодня люди
На амбразуру дружно грудью не пойдут.
Ну, может быть, совсем оголодавший люд
Очередную выключит дорогу,
Плакат воткнет у мэрского порога.
Но это будет весь народный героизм.
Не хочет слушать люд про новый коммунизм,
Про демократию тупую — тоже.

В растерянности большинство, похоже,
Опять настроено на Батюшку, Отца,
Что копие вонзит во зло, что до конца
Защитой будет своему народу...

Танеев, верно, из такой породы.
К нему идут на суд, надеясь на него.
А сами-то, увы, все больше — ничего...

ОТКРОВЕНИЕ

I

В пыли мой дневничок... Сейчас тебя открою.
Скажи-ка, мой дружок, что делается со мною?

«Вчера был у соседа и смотрел порно.
Мне стыдно, но в меня легко вошло оно.
О, эти сладостные стоны, крики.
Выходит, в мыслях грешник я великий.
Теперь, как зельем опоенный (срам и стыд),
Встречая женщину, смазливую на вид,
Скольжу по всем ее холмам растленно,
Секреты открывая вожделенно...
В башке одно: и эта ночью без стыда
В мужских объятьях уплывала в никуда.
И плоть чужая в тайну проникала
И жгла. Огня все было мало, мало.
Пока он не заполнил весь живой сосуд...
Да, умопомрачителен любовный зуд.
Что с этим делать? Строже жить – монахом
Иль завести любовницу? Со страхом,
Ведь что-то можно прихватить, к примеру, СПИД,
С ней ночи проводить, ломая прежний быт.
Нет, невозможно это – в сердце Настя.
Коль разрешу вот так себе упасть я,
Ее ни разу больше даже не коснусь.
Итак, как бес, порочен: сам себя боюсь...

Что в гены подмешала мне природа,
С чем мне идти упрямо через годы
К высотам дальним и отчаянно крутым?
Я знаю точно, не грозит мне быть святым.
Себя, родных мы очень плохо знаем.
Зря жен, друзей и города меняем,
Как лопнувшие туфли, старое пальто...
А вот себя пока не поменял никто.
Да, я хочу гармонии душевной.
Но Я второй кричит, как оглашенный.
И даже если мерзкий рот ему заткнуть,
Во мне исподтишка свое он будет гнуть.
Заденет вдруг кокетливая юбка,

Или поманит слава звоном кубка,
Немедля о себе возней напомним он,
Гримасы строя между ликами «икон».
А мне б идти с улыбкою, свободно,
Не пряча мысли грешной, инородной,
Не зная даже лицемерных, подлых чувств.

Какой бы прозвучал совет из честных уст
Отца Андрея? Он ведь мой ровесник,
Ему известны нынешние песни.
Однажды в школе с ним беседовали мы.
Он говорил: «Повсюду силы зла и тьмы
Пороки сеют, юность развращают,
Надежду в нас рекламою питают,
Почти с пеленок потребителя растяг.
Все больше человеки сладостей хотят,
Все меньше заняты они высоким.
Сердца – в бурьяне от такой мороки,
И для большой, святой любви в них места нет.
Нет и для заповедей – чужд любой запрет.
«Распять Христа», – кричат в толпе поныне.
И можно руки опустить в унынье.
Но тот, кто небо чтит и Божий видит свет,
Кто воин света сам, унынью скажет нет».

А мне б отец Андрей сказал:
– Верь свято,
Люби, женись и не смотри разврата.
Не искушай себя и больше не ищи
Предмета для греха хоть в сердце, хоть в нощи.
А если правый глаз твой соблазняет
Тебя, твой дух, то, как Завет вещает,
Его ты вырви, брось брезгливо от себя
И шествуй к свету снова – вот твоя судьба...

«Не искушай себя и не смотри разврата...».
Жить сдержанно с рассвета до заката...

Как рано выбрал этот путь отец Андрей,
Арзасской скромной церкви протоиерей.
Всегда примером быть для тех, кто в скверне...
Ведь это подвигу сродни, наверно.

II

Соседка Светка, что звала чайку попить,
Переселилась – стало как-то легче жить.
Хотя зудит порочная заноза:
Была возможность смять такую розу...
Приятель бы сказал: «Ну что ж ты, лопушок?
На то он и мужик, чтоб орошать лужок».
Как просто тащим грязь к себе мы в душу,
И лучшие огни той грязью тушим...

Нет, в церковь не пойду. Спаситель мой –
любовь.

Несут меня над бездною порока вновь
Ее пронизанные светом крылья.
Она сильней, чем темный мир насилья,
Счастливой связью с мудростью высоких звезд.
И пусть мой путь в противоречиях не прост,
Иду к любви, к огню ее, как к смыслу.
А если туча грозная повиснет,
Гремя и молнией сверкая надо мной,
То и тогда не изменю свой путь земной.

Назад, назад, страницы откровенья...
С каким неописуемым волненьем
Всегда читаю эти Настины стихи.
В сравненье с ними все слова мои сухи:

«Вы удержать меня хотите
Премудростью своих задач?
Они бессмысленны. Простите –
Спешу. Желаю вам удач!

Куда спешу? Туда, где ветер
Танцует в солнечном дожде,
Где молний вспыхивают плети
И искры пляшут на воде,
Где так легко душе, так вольно.
Где лишни золотого, шелка,
Весь мир ваш, удовольствий полный,
С хваленой властью кошелька».

III

Ушел в дневник, а тут шалит природа.
Ворча, везет большая туча воду.
Сейчас окатит двор и пыльный тротуар.
Блеснула молния. Момент... И вот удар:
Такой раскат, что содрогнулись стены.
Сплелись в какой-то мрачный кокон тени.
И хлынул ливень с градом. Градины – как боб.
Так, верно, начинался мировой потоп.
Прошло лишь пять минут, как все случилось,
А вдоль общаги речка заструилась,
И густо поседел плешивенький газон.
Аптекою дохнул из форточки озон.
Фигурка под плащом в подъезд нырнула,
Спасаясь от неожиданного разгула
Стихии, что напомнила нам о судьбе:
Не все подвластно, человечиска, тебе.
Тревожно что-то – будто сам без крыши.
Довольно, небо, надо бы потише.
Зачем так грозно все басы твои звучат...
Еще какой-то звук. А... В дверь ко мне стучат.
– Ты кто, русалка, нимфа?.. Настя?! Настя...
Бог мой... Где полотенце помохнастей?
Снимай все, все – рубаху принесу сейчас.
На полке гребень, мыло, а под ванной таз.

Наденешь это – рукава засучишь.
Чай сделаю послаще и покруче.
Становится теплей, светлей, когда пью чай...
Коль надо что еще, зови. Ты – дома, знай.

Из ванной вышла в беленькой рубаше
Простоволосой девой перед плахой,
А может, перед инквизиторским костром.

– Ну, что случилось? Напугал не этот гром?

– Она сказала, не потерпит дальше
Того, что дочь становится гулящей.
Обидно, больно, и домой я не вернусь.

В плечо уткнулась, всхлипнув. Пусть поплачет,
пусть.

Но я-то, я-то что-то должен сделать.
На мне вина. За счастья миг неспелый
Плати и не ропщи. Сам спину обнажи,
Под плети ляг, но огради любовь от лжи.

– Настена, милая, мой друг сердечный,
Я твой, с тобой, и не на миг – навечно.
В тебе обиды, горечи большая смесь.
Но мать есть мать... Пей чай и оставайся здесь.
А я на вахту – позвонить ей. От тревоги
Домашние твои свихнуться могут.

IV

– Алло! Алло! Николин беспокоит вас...
Ко мне пришла... Здорова, сушится сейчас.
Из-за меня? Ну, коли так, простите.
Я – подлый человек, сказать хотите?
Нет! Для меня Анастасия – как цветок,
Ранимый, хрупкий... Вам не нужен мой восторг?..
Ах вот что... Были только поцелуи...
Ее жалею и беду люблюю

Готов взять на себя, чтобы ее она
И краем не коснулась. Не моя вина,
Что так живем, что разразились стачки,
Что все перекусались, как собачки,
Что я теперь – гимназии заклятый враг...
И, стало быть, всегда веду себя не так,
Как это подобает педагогу.
Люблю, и то – противно людям, Богу....
Оставить Настю, навсегда ее забыть?
Отречься от любви? Да лучше и не жить.
Пока я нужен хоть чуть-чуть, напрасно
Не требуйте и не просите!.. Ясно!..
Ну, все... И для родителей ее я – враг.
Куда же дальше плыть, отчаянный варяг?

V

– Ну, как ты тут? А, ничего не ела...
В тупик зашло, похоже, наше дело.
С тобой встречаться мне теперь запрещено.

– Я так и знала. И хочу сказать одно:
Пока зовешь, никто не остановит
Движения души моей и крови
К тебе, моя неосторожная судьба.
Жизнь не нужна мне без любви и без тебя.

Как свеж и тонок аромат сырых волос,
Как беззащитен это влажный, бледный нос,
И как прохладны ласковые губы.
Никто не смеет прикасаться грубо
К тому, чем больше жизни дорожу сейчас.
Какое дело в этом мире всем до нас...

– Переночуй сегодня у подружки
И позвони домой... Пожуй хоть сушку.
И сыр бери – тебе побольше нужно сил.
Не плакала бы мать – тебя б не отпустил.

НАКАТ

I

Ну вот и все – намечены решенья
Правительства эРэФ для утешенья
Скандальной области, безумных горняков.
Да, прав был красный депутат Сергей Чуйков.
Не разошлись, не стали легче тучи.
Но область все же кое-что получит.
Мы отыграли роль лихих «рвачей», «зануд»,
И можно нас свезти в отвал, отдать под суд.
Карманов получил постановление
Прокуратуры с жестким обвиненьем:
Рабочих собирал и к бунту подстрекал.
А у меня час целый трещинку искал
Заезжий фээсбэшник в «маске» строгой:
«Кто вас смутил и вывел на дорогу?»
Хотят таких, как Дрогин, всех пересадить?
Зачем? Чтоб жесткое подполье породить?..
Свидетелей они найти не смогут.
Ну а лжецов народ осудит строго...

Министр Сысуев выразительно вещал.
А зал ему внимал и вежливо молчал.
Как мы сидели... Гордостью светились:
Ведь своего в конце концов добились –
Правительство, капризничая, снизошло.
И мы расслабились – ушло из сердца зло.
Поклон властей для мужиков российских
Успокоительней кнута и сиськи...

Горняк, сойдя с путей, отправился в забой,
Машин строитель, чей завод стоит, – домой.
И тех, кто был в активе, с потрохами
Взять можно тихо, голыми руками.

II

Отдел образования... Начальник строг.
Зачем-то пригласил. Волнуюсь – даже взмок.
Предвижу неприятности лихие.
У Зои Павловны глаза сухие,
Невозмутимость идольская на лице –
Совсем как бюст в терново-лавровом венце.

– Так, Станислав Ильич, теперь все ясно.
Предупреждали вас не раз напрасно.
Политикой крутой вы увлеклись всерьез.
Понятно, молодой: побед хотелось, роз.
Но молодежь смущать вам не позволим.
Политикам у нас нет места в школе.
Вы знаете закон – излишне объяснять.
Да и моральный «кодекс» ваш нам не понять:
С учениками флирт и дружба на свободе...
Пришло письмо: с ума мамаша сходит
От ваших приключений с дочерью ее.
Уймите пылкое влечение свое.
Не говорите, что там в самом деле.
Достаточно скандала. Еле-еле
Директора гимназии – вам шлет «привет» –
Отговорила вынести на педсовет
Вопрос о вас и о поступках ваших.
Шаг этот вам, быть может, и не страшен,
Но девушку расспросы все достали бы –
Не помогло бы никакое алиби.
И лучше написать вам заявленье
Об увольнении без промедленья.

III

Живой я или нет? Иду, не видя свет.
Сестра-дорога, прогони мой черный бред...
Брат-ветер, скинь с плеча тяжелый опыт.

Я знал, за «рельсы» мне не будут хлопать,
За правые дела не станут обнимать.
Но я надеялся, что будут понимать,
Чего хочу и для кого стараюсь.
Выходит, что и в этом ошибаюсь.
Легко держать удар, на публике «светаясь»:
Ты вроде как герой. А тут вдруг – мордой в грязь.
И ты один и никому не нужен.
Иди в кабак, с свиньей купайся в луже.
Тебя геройствовать никто ведь не просил.
Размялся славно от избытка чувств и сил.
Коль что не так – твои проблемы, слезы.
Ну что молчите, старые березы?
Я прочитаю ваши мысли по ветвям...
А, ясно все: меня утешить нечем вам...

IV

«В кабак я не пошел, и так красиво пьян».
С кем пил? «С при-я-те-лем». Что я тебе – пацан?
Допрашиваешь как жена родная.
Ты – мой дневник, бумага ты пустая.
Ты хочешь знать, на что я целый вечер пил?
«На деньги, на свои – расчет я по-лу-чил».
Что буду делать завтра? «По-хме-лять-ся».
Должны же были денежки остаться.
А может быть, и не осталось ни фига...
Пошел ты на хрен – не ищи во мне врага!
Возьму и разорву – писать мне тошно.
И буквы гнутя, скачут как нарочно.
Да это сговор, саботаж!.. Не потерплю!
Все, кажется, я отъезжаю, сплю, сплю, сплю...

V

Как гадко, тошно. Жмет виски, колотит...
Но можно пережить страданья плоти.

Полегче будет завтра. А с душой как быть?
Работы больше нет, и некуда спешить...
Рассвет – ненастный. Моросит как будто...
В один момент все повернулось круто...
И Настю я втравил в безумные дела.
Наверное, грустит. Бледна, как снег, мила...
Зачем я ей – удачливей отыщет.
Поступит в вуз – парней умнейших «тыщи».
Чуйков не зря сказал: «Дерясь, живи один.
Ты у судьбы в руках, себе – не господин.
Настраивайся-ка на испытанья».
А я, выходит, не готов к скитанью,
К забвенью в сером коробке холодных стен.
Чуйков давно прошел все это. Как безмен,
Определил в каком сейчас я весе,
Способен ли держать удар «повеса»...
Выходит, хорошо, что я один сейчас.
Судьба всегда права. Смирись же с этим, Стас.

VI

Всё тот же он – Аркадий Львович Панин,
– Заммэра. Вдруг услышит...
– Я на грани?
Ищу работу. Школа мне сказала «нет».
В отделе молодежи тоже «шлют привет».
В музее краеведческом есть место.
Стучался – говорят: «Вы сами взвесьте...».
В спортшколу даже лыжи мазать не берут.
– Чем, Станислав Ильич, могу помочь я тут?
Все экстремизма вашего боятся –
Не надо с коммуняками якшаться...
Не кланяясь, спокойно, молча уйду –
Понятно всё, как говорится, и ежу.
Куда теперь? Хоть в область – все без толку.
Нет места в обществе людей для «волка».

VII

Схожу в тайгу набрать опят. Их нынче – тьма.
Да и проветрить надо грязный цех ума:
В эмоциях тяжелых, как в тумане...
В руках рюкзак и нож складной в кармане.
В зеленой массе исчезают этажи.
Стеною серой потянулись гаражи.
Тропинка через лог – и я под крышей
Берез и елей. Города не слышу.
Большую душу наполняет мир, покой.
Как хорошо без суеты. Я здесь такой,
Каким мечтаю быть в беде фатальной,
В толпе разноречивой и скандальной
И в зыбкой радости, чей срок – мгновенье, час.
Я вижу нашу жизнь издалека

сейчас –

Возня из-за имущества и денег.
Ну разве этак строят муравейник,
Способный устоять в сезон дождей и гроз?
Добро и зло смешались – наступил хаос.
Неужто из него потом родится
Гармонии сияющая птица?
Не верится... Той птице даже не взлететь:
Одно крыло, Нужда, повиснет словно плеть,
Другое, Роскошь, отомрет под золотом...
Мы проиграли, но не виноваты.

А здесь все слаженно. Привычно жизнь течет.
Листва уже стара, но шелестом влечет
В последнюю, живую тайну лета...
То тень, то золотые пятна света,
То терпкий, загустевший сумрак пихтача.
Рябина в алых гроздьях, будто горяча.
В стрекозьях, мелких листьях медь с латунию.
Черемуха кустится тщетно, втуне –

Ни ягодки: побил цветы весной мороз.
Валежник мхами живописными порос.
А вот и долгожданные опята.
Ишь, притаились под пеньком мохнатым.
Все к месту тут, и всё свою играет роль.
Вот старый кедр, красив, могуч.

Он тут – король.

Уходит мощный ствол в долину неба.
Расти бы так, не думая о хлебе,
Питаясь светом, соками земли родной,
Подняться высоко, мечтою жить одной –
До сини дотянуться, слиться с нею,
Захлебываясь счастьем и немее...

Природа нас древней, умней, мудрей.
В лазурной ауре космических идей,
Пронизанная разумом великим,
Она дарует нам святые лики
И через них о высшем с нами говорит.
Но мне нужней, милей ее обычный вид.

РАСПУТЬЕ

I

Почти весь класс толпится в коридоре.
На юных, милых лицах чуть не горе.

– Смелей входите – я же, кажется, живой,
Не хоронить пришли, а говорить со мной.
Ну... как прошла сегодня переключка?

– Ужасно! Мы вас ждем – идет химичка:
«Ребята, здравствуйте. Хоть смейся тут,

ХОТЬ ХНЫЧЬ –

Ушел, уволился ваш Станислав Ильич.
И опекать вас буду я отныне», –
Прикол, подобный снеговой лавине.

Возбуждена Любаша – покраснела аж.
Загомонил и класс, шокируя этаж.

– Мы к директрисе – объяснить не стала.
«Для вас же лучше», – только и сказала.
Что лучше? С новым классным? Без тревог от вас?
Нам ясно все, мы не такой уж глупый класс.
И чтоб вернуть вас вопреки злой силе,
Мы забастовку объявить решили.

Сказала Люба это – и притихли все.
Любаша – молодец. Лицо ее в «росе»:
Ответственность такую взять на плечи...
Ведь староста... Не ищет роли легче:
Раз доверяют – будет воз тянуть, как вол.
Андрюша рядом. Недоволен, даже зол.
Молчун, но ведь не прячется за спины.
А рядом с модною косичкой, длинный,
С улыбкою сочувственной стоит Антон.
Евгений Лапин тоже тут – я удивлен.
Пришли и те, в ком вечно сомневался,
Ведь я их не «сдавал» – понять пытался.
Впервые, может быть, поверили «друзья»,
Что бился я всерьез, что не игрался я...
А где же Настя?.. Смотрит неотрывно.
Мой милый друг, я знаю, как надрывно
Работают твой ум, твоя душа сейчас.
О, как мне не хватает этих строгих глаз...

– Ребята, я вам благодарен очень.
Теперь мои спокойней будут ночи.
Еще хочу сказать, что ваш я, как всегда.
Зовите, приходите. Всякая беда –
Лишь полбеда, когда друзья с тобою.
Но в школу возвращать меня не стоит.
Представьте: каждый день – тяжелый,

трудный бой;

Следит начальство неотступно за тобой.
И взгляд его, как пистолет к затылку.
Ошибок, слабостей, симпатий пылких,
Не допускай, не проявляй. Следи, чтоб быт
Был безупречен твой, иначе будешь бит...
Вы – молодцы: поступок совершили,
Готовы дать отпор надменной силе.
Вы показали отношение свое
К тупой бесцеремонности ее.
Теперь она вас будет опасаться.
И этого довольно, хватит, братцы.
Переборщать нельзя – подумаем о вас:
Окончить надо всем одиннадцатый класс.

II

Невесело ушли – погасли будто...
Жаль, но нельзя же их подставить круто.
Оставили нас с Настей.

– Бледный ты какой.
В глазах усталость... Что за пасмурной рекой
Твоих тревожных, незнакомых мыслей?
Что хочешь делать? Что на коромысле
Твоих весов? Скажи мне прямо, не таясь...
Ты был один, когда лилась такая грязь.
А я была как будто под арестом.
Скажи, когда-нибудь мы будем вместе?
Я знаю, что сейчас решается судьба.
Прошу лишь одного: не обмани себя...
Сегодня выплеснула, словно воду,
Директорше и тем, кто ей в угоду
Пытался урезонить «обнаглевший» класс,
В лицо: «Так знайте, вы видны насквозь сейчас.
Ведь лживость, подлость спрятать невозможно.
И правду затоптать в грязи дорожной
Нельзя. Она травой зеленой прорастет.

Она в неукротимой юности взойдет
Стремленьем к вольности святой, свободе.
И кто начальству нынче неугоден, —
Уже пример для гордых, молодых сердец...».
Сказала все, испытывая наконец
И в жизни чувство вольности, как в танце:
«Вы раболепием больны. Касаться
Героев не достойны, о которых нам
Так много говорили на уроках.

Срам —

Все ваши лицемерные делишки.
Прав Чацкий и сейчас. Читайте книжки...».

III

— Ты говорила так?

— Я говорила так.

И в этой школе не учиться мне никак.
Уйду в другую от бесстыдных душеедов.
Окончу... и куда-нибудь уеду.

— Я тоже думал, не уехать ли куда.
Но без рубля — как на приколе — вот беда.
Родным — не до меня. Отец — на юге.
Им с мачехой достаточно друг друга.
Решил пока остаться здесь: тут угол есть
И можно с помощью друзей в забой залезть.
На шахтах нет открытого приема,
Но похлопочет бригадир знакомый...
Чуйков зовет к себе: «Политикой займись.
Ты знаешь, что такое нынешняя жизнь
И чем все может завтра обернуться.
Пусть говорят: довольно революций.
Смешно. Когда созреет плод — он упадет...
Помощником тебя устрою. Как, идет?».
Я размышлял: а не нырнуть ли в бездну?

Довольно «сытым» кланяться любезно,
Внимать их лицемерным, лживым голосам:
«Все вместе в трудный час затянем пояса».
Довольно наблюдать, как юность тонет
В снах наркотических, грязи притонов...
Но как Чуйков борьбою жить, век воевать,
Не слушать зова сердца и семьи не знать
Я не готов. Хотя есть жажда драться,
Мне от любви, тебя не отказаться.
Дождись, когда ты станешь взрослою совсем
И как принцессу заберу на зависть всем.

IV

Я где? Что с головой моей? О, как болит...
Бинты, кровать... Я жив остался, не убит...
Из магазина шел, и в переулке...
Удар в сознание отозвался гулко.
Потом поплыло все, как воск, и я упал.
Пинали долго. Свет погас. И вот – финал.
Я знаю, кто меня... Не знаю, как мне жить.
Старик Шекспир, банальность: быть
или не быть...

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая. Любовь	5
Настя.....	7
Станислав.....	14
Десятый «А».....	22
Признание.....	26
Забастовка.....	32
Клятва.....	38
Часть вторая. Испытание	41
Митинг.....	43
Лето.....	46
Лагерь.....	53
Переговоры.....	57
Вместе.....	61
Танеев.....	65
Откровение.....	67
Накат.....	74
Распутье.....	79

Михайлов Юрий Михайлович

НИКОЛИН

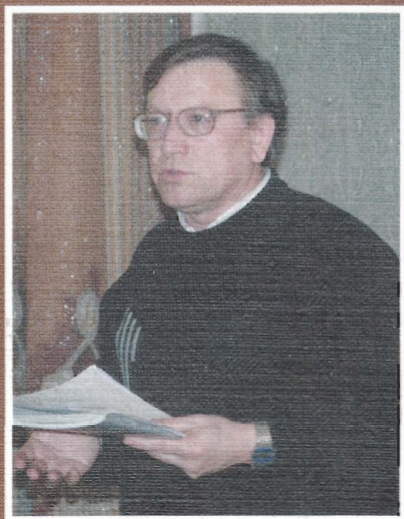
Поэма

Редактор **Т. А. Козлева**
Технический редактор **В. И. Труханова**
Корректор **Т. А. Сапова**
Компьютерная верстка
и дизайн обложки **М. Л. Костамаровой**

Подписано в печать 24.09.2009. Формат 60×84^{1/2} эк. Бумага офсетная № 1.
Гарнитура «Times». Печать офсетная. Усл. печ. л. 2,44. Уч.-изд. л. 2,63.
Тираж 500 экз. Заказ № 346

Издательство «Кузбассвузиздаг». 650043, г. Кемерово, ул. Ермака, 7.
Тел. 58-34-48

30-00

Автор поэтической повести «Николин» Юрий Михайлов известен прежде всего как журналист. С 1980 года сотрудничает с редакциями газет и журналов. Был редактором многотиражной газеты «Шахтостроитель», в конце 80-х – начале 90-х годов возглавлял редакцию березовской городской газеты «Мой город». Затем пять лет работал собственным корреспондентом областной газеты «Кузбасс». Сейчас Юрий Михайлов – сотрудник редакции газеты «Мой город», член Союза журналистов России и Союза писателей Кузбасса.

В 2007 году стал абсолютным победителем областного журналистского конкурса «Золотое перо». В 2009 году признан победителем областного литературного конкурса «Образ» среди писателей-любителей. Награжден дипломом первой степени за поэтический сборник «Откровение». За последние десять лет издал еще четыре книги стихов: «Живу на первом этаже», «Раздумья», «К свету», «Всполохи». Шестнадцать лет руководит молодежным литературным клубом «Свой голос» в Березовском.

Награжден почетной грамотой Министерства образования и науки РФ и медалью «За особый вклад в развитие Кузбасса» III степени.